

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ГРАНДМАСТЕР ОСТРОГО СЮЖЕТА

ЛИ ЧАЙЛД

ДЖЕК РИЧЕР,
ИЛИ БЕЗ ВТОРОГО
ИМЕНИ

Бестселлер #1
New York Times

Джек Ричер – самый
крутой персонаж
самой крутой
книжной серии.

ГРАНД МАСТЕР

СТИВЕН КИНГ

Джек Ричер

Ли Чайлд

**Джек Ричер, или Без
второго имени (сборник)**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Чайлд Л.

Джек Ричер, или Без второго имени (сборник) / Л. Чайлд —
«Эксмо», 2017 — (Джек Ричер)

ISBN 978-5-04-090377-1

Где бы ни появился этот крупный, угрожающего вида мужчина, всем бросается в глаза, но, когда нужно, он умеет быть совершенно незаметным. Человек этот не ищет неприятностей – те сами находят его; но он их не боится. Его никто не сможет найти, если он этого не захочет; но, когда нужно, он находится сам. Он – по-настоящему хороший парень, хотя большинство людей считает его плохим. Его зовут Ричер. Джек Ричер. И у него нет второго имени...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-090377-1

© Чайлд Л., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Слишком много времени	6
Второй сын	37
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ли Чайлд Джек Ричер, или Без второго имени Сборник

Lee Child
No Middle Name

© Lee Child 2017. This edition is published by arrangement with Darley Anderson Literary, TV & Film Agency and The Van Lear Agency

© Гольдич В., Оганесова И., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2018

* * *

Слишком много времени

В минуте шестьдесят секунд, час состоит из шестидесяти минут, двадцать четыре часа составляют день, семь дней в неделе, пятьдесят две недели в году. Джек Ричер сделал устные вычисления и получил число, немногим превышавшее тридцать миллионов секунд за двенадцать месяцев. За это время только в Соединенных Штатах произойдет почти десять миллионов серьезных преступлений. Грубо – каждые три секунды. Не слишком редко. Увидеть, как рядом, прямо у тебя на глазах совершается одно из них, по сути, достаточно вероятно. Конечно, местонахождение имеет значение. Преступления случаются там, где много людей. Вероятность выше в центре города, чем посреди луга.

Ричер находился в умирающем городе штата Мэн. Не имеющем ничего общего с омарами. Не рядом с озером. Не на побережье. Но не вызывало сомнений, что когда-то в нем было что-то хорошее. Широкие улицы, кирпичные здания. Следы былого процветания. Прежде величественные бутики превратились в дешевые магазинчики. Однако не все было так безнадежно. Дешевые магазинчики продолжали торговать. В кафе подавали кофе. На тротуарах стояли столики. По улицам спешили по своим делам прохожие. Даже погода помогла. Первый день весны, сияющее солнце...

Джек свернул на широкую улицу, закрытую для движения автомобилей и называвшуюся площадью. По обе ее стороны, перед кирпичными красными зданиями, стояли столики, между которыми прогуливалось около тридцати человек. Сначала перед Ричером предстала вся сцена в случайном порядке. Позднее он сообразил, что все самое важное имеет форму заглавной буквы Т. Он находился у ее основания и смотрел вверх; и на расстоянии в сорок ярдов, на перекладине Т, справа налево, в поле его зрения двигалась девушка, переходившая широкую улицу, с одного тротуара на другой. Она несла на плече хозяйственную холщовую сумку, не слишком тяжелую, естественного светлого цвета, выделявшуюся на фоне темной юбки. Ей было около двадцати лет. Или даже меньше. Возможно, восемнадцать. Она шла медленно и смотрела вверх, ей нравилось чувствовать теплое солнце на лице.

Затем с левой стороны перекладины буквы Т к ней начал приближаться какой-то парень, который бежал. Примерно такого же возраста. В кроссовках, обтягивающих черных брюках и толстовке с капюшоном. Он резким движением сорвал сумку с плеча девушки, и та упала, раскрыв рот в беззвучном восклицании. Парень в капюшоне прижал сумку к себе, как футбольный мяч, и помчался вдоль нижней части Т, прямо к находившемуся в ее основании Ричеру.

Затем с правой стороны перекладины появились двое мужчин в костюмах, которые двигались в том же направлении, что и девушка. Они находились в двадцати ярдах позади нее. Преступление случилось прямо у них на глазах. Они отреагировали, как большинство обычных людей. В первую долю секунды застыли на месте, потом повернулись, посмотрели вслед убежавшему парню, быстро подняли руки и закричали что-то бессвязное, вроде: «Эй!» И бросились за ним. Словно по выстрелу стартового пистолета. Они бежали изо всех сил; колени работали, точно поршни, полы пиджаков развевались. «Полицейские», – подумал Ричер. Скорее всего. Они даже не переглянулись. Кто еще мог так отреагировать на кражу?

Находившаяся на расстоянии в сорок ярдов девушка вскочила на ноги и побежала прочь.

Полицейские продолжали преследование. Но парень в черной толстовке опережал их на десять ярдов и бежал значительно быстрее. Ричер понял, что они его не поймут. Никаких шансов. Расстояние между ними увеличивалось.

Парень находился на расстоянии двадцати ярдов от Ричера, ныряя то вправо, то влево, словно бежал по неровному полю. Примерно в трех секундах от Джека. Теперь в двух. Ричер

сделал один шаг вправо. Осталась секунда. Еще шаг. Джек принял парня на бедро, тот рухнул и покатился по земле, запутавшись в собственных руках и ногах. Он выпустил холщовую сумку, пролетел по асфальту еще футов десять, и в этот момент мужчины в костюмах оказались рядом с ним. Вокруг образовалась небольшая толпа. Холщовая сумка упала в ярде от Ричера. Вдоль верхнего края шла молния, сумка оставалась закрытой. Джек наклонился, чтобы ее поднять, но передумал. Лучше не трогать улику, какой бы она ни была. Он отступил на шаг. За его плечом собрались еще несколько зевак.

Копы посадили ошеломленного парня и сковали ему руки наручниками за спиной. Один из них остался возле арестованного преступника, другой отошел и поднял холщовую сумку. Она выглядела плоской, невесомой и пустой. Словно сдулась. Словно в ней ничего не было. Полицейский оглядел собравшихся вокруг людей, его глаза остановились на Ричере, он вытащил из заднего кармана брюк бумажник и привычным движением открыл его. За прозрачным пластиком Джек увидел удостоверение личности с фотографией. Детектив Рэмси Аарон, полицейское управление округа. На фотографии тот же парень, только моложе и не такой запыхавшийся.

– Большое спасибо, что вы помогли нам в этом деле, – сказал Аарон.

– Не стоит, – ответил Ричер.

– Вы хорошо видели, что произошло?

– Да, все случилось у меня на глазах.

– Тогда вам нужно будет подписать свидетельские показания.

– А вы видели, куда убежала жертва ограбления?

– Нет, не заметил.

– Мне показалось, что она не пострадала.

– Рад слышать, – сказал Аарон. – Вам все равно нужно подписать показания.

– Но вы находились ближе, чем я, – сказал Ричер. – Все произошло рядом с вами. Вы можете сами подписать свои показания.

– Если откровенно, сэр, выйдет лучше, если это будет обычный человек. Понимаете, представитель общественности. Присяжным не всегда нравится, когда показания дают полицейские. Знамение времени.

– Я и сам однажды был полицейским, – сказал Ричер.

– Где?

– В армии.

– Тогда вы даже лучше, чем обычный человек.

– Я не могу остаться здесь до суда, – сказал Ричер. – Я всего лишь проезжал через ваш город. Мне нужно ехать дальше.

– Суда не будет, – сказал Аарон. – Если мы представим письменные показания свидетеля, к тому же ветерана армии, защита заявит о виновности обвиняемого. Простая арифметика. Плюсы и минусы. Как ваш кредитный счет. Вот как теперь это работает.

Джек ничего не ответил.

– Десять минут вашего времени, – продолжал Аарон. – Вы видели то, что видели. Каким может быть самый плохой исход?

– Ладно, – сказал Ричер.

* * *

Получилось больше, чем десять минут, даже в самом начале. Им пришлось подождать, когда подъедет черно-белая патрульная машина и увезет парня в полицейский участок. Наконец она появилась в сопровождении «Скорой помощи» из пожарного депо, чтобы проверить состояние задержанного и убедиться, что он достаточно здоров для ареста, – им не нужна

была необъяснимая смерть в полицейском участке. Все это заняло время. Но в конце концов парня посадили на заднее сиденье, патрульные полицейские уселись на переднее, и они уехали. Зеваки разошлись по своим делам. Ричер и двое полицейских остались втроем.

Второй полицейский сказал, что его зовут Буш и он не имеет никакого отношения к Бушам из Кеннебанкпорта. Он был детективом из округа. Буш сообщил, что их машина припаркована на улице, за дальним углом площади, и указал рукой в нужную сторону. Именно туда им следовало идти под теплыми лучами солнца, что они и сделали. Вверх вдоль ножки буквы Т, затем направо, вдоль перекладины – детективы возвращались по своим следам, Ричер шел за ними.

– Почему жертва убежала? – спросил он.

– Это нам предстоит выяснить, – ответил Аарон.

Их машина оказалась старой «Краун Викторией», потертой, но еще надежной. Чистой, но не сверкающей. Ричер сел сзади, что вполне его устроило, потому что это был стандартный седан. Без пуленепробиваемой переборки. Никакого подтекста. И для ног хватает места, если повернуться боком и прислониться спиной к двери; так Ричер и поступил, поскольку решил, что задняя дверца полицейской машины не может распахнуться из-за небольшого внутреннего давления. Он не сомневался, что создатели автомобиля об этом подумали.

Поездка получилась короткой, и вскоре они остановились возле унылого бетонного сооружения на окраине городе. На крыше во все стороны торчали высокие антенны и спутниковые тарелки. На парковке вдоль линии выстроились три седана без опознавательных знаков и одинокий черно-белый патрульный автомобиль, далее шел десяток пустых мест, а в дальнем конце стоял разбитый синий внедорожник. Детектив Буш заехал на парковочное место Д-2, и они вышли. Слабое весеннее солнце все еще висело в чистом небе.

– Просто чтобы вы понимали, – сказал Аарон. – Чем меньше денег мы тратим на наши здания, тем больше остается на поимку плохих парней. Таковы наши приоритеты.

– Вы говорите как мэр, – заметил Ричер.

– Отличная догадка. Я процитировал члена городского управления. Слово в слово.

Они вошли в полицейский участок. Внутри все выглядело не так уж и плохо. Ричер за свою жизнь не раз бывал в правительственных зданиях. Полиция округа занимала место где-то в средней части шкалы, если речь шла о роскошных интерьерах. Главной проблемой являлся низкий потолок. Тут им просто не повезло. Даже строители правительственных зданий иногда делают уступки моде, а в те времена, когда слово *атомный* было большим, они предпочитали суровые сооружения из толстого бетона, чтобы общественность 50-х годов XX века чувствовала себя защищенной, когда силы правопорядка находились внутри строений, устойчивых к ядерным взрывам.

Так или иначе, но менталитет бункера часто распространялся и внутрь; в результате помещения получались тесными и душными. Это и являлось единственной серьезной проблемой полицейского департамента округа. Все остальное было на вполне приличном уровне. Возможно, базовом, но толковый человек едва ли захочет все существенно усложнять. Ричер решил, что работать здесь совсем неплохо.

Аарон и Буш отвели его в комнату для допросов по коридору, параллельному помещению для детективов.

– Мы не будем делать это за вашим письменным столом? – спросил Ричер.

– Как в телевизионных сериалах? – сказал Аарон. – Теперь это не разрешено. После одиннадцатого сентября. Никакого несанкционированного доступа к операционной зоне. А вы не имеете такой санкции до тех пор, пока ваше имя не появится в качестве сотрудничающего свидетеля в официальном напечатанном досье. Очевидно, у нас его пока нет. К тому же здесь наша страховка работает лучше. Знамение времени. Мы бы предпочли находиться

в помещении с камерой, на случай если вы поскользнетесь и упадете, чтобы иметь возможность доказать, что и близко не подходили к вам в этот момент.

– Понятно, – сказал Ричер.

Они вошли в стандартное помещение, казавшееся еще более мрачным из-за толстых потолка и бетонных стен, нависавших со всех сторон. Внутренние поверхности были не до конца оформлены, но их столько раз красили, что они стали гладкими и скользкими. Обычный правительственный бледно-зеленый цвет, который усугублял свет экологических ламп. Казалось, здешний воздух страдает от морской болезни. В торцевой стене имелось большое зеркало, и Ричер догадался, что это одностороннее окно.

Он сел лицом к нему, у той стороны стола, что предназначалась для плохих парней, напротив Аарона и Буша, которые запаслись чистой бумагой и ручками. Сначала Аарон предупредил Ричера, что ведется аудио- и видеозапись, потом попросил назвать свое полное имя, дату рождения и номер социального страхования. Джек честно ответил на все вопросы – почему бы и нет? Потом Аарон спросил про его текущий адрес, что привело к оживленному обсуждению.

– У меня нет постоянного адреса, – ответил Ричер.

– И что это значит? – спросил Аарон.

– Ровно то, что я сказал. Мои слова имеют вполне определенный смысл.

– Вы нигде не живете?

– Я живу в самых разных местах. Провожу где-нибудь одну ночь и двигаюсь дальше.

– Что-то вроде кемпера?¹

– У меня нет кемпера, – ответил Ричер.

– Иными словами, вы бездомный, – сказал Аарон.

– Но по своей воле.

– И что это значит?

– Я переезжаю с места на место. День тут, день там.

– Почему?

– Потому что мне так нравится.

– Как турист?

– Можно и так сказать.

– Где ваш багаж?

– Мне он не нужен.

– У вас нет вещей?

– Я видел маленькую книгу в магазине в аэропорту. Очевидно, мы должны избавляться от всего, что не приносит нам радости.

– И вы выбросили все свои вещи?

– У меня их не было. Я пришел к такому же выводу годы назад.

Аарон с сомнением посмотрел на лежавший перед ним лист бумаги.

– И каким же словом правильнее всего вас назвать? Бродяга?

– Человек, переезжающий с места на место. Рассредоточенный. Временный. Преходящий. Случайный.

– Вы ушли в отставку с военной службы с каким-то диагнозом?

– Это может подорвать достоверность моих показаний?

– Я уже говорил вам, это напоминает кредитную историю. Плохо, когда у свидетеля нет постоянного адреса. ПТСП² – еще хуже. Адвокат защиты поставит под сомнение вашу надежность. И тогда могут возникнуть никому не нужные сомнения.

¹ Кемпер – фургон, трейлер, дача на колесах. – *Здесь и далее прим. пер.*

² Посттравматическое стрессовое расстройство.

– Я служил в сто десятом подразделении военной полиции, – сказал Ричер. – И я не боюсь ПТСР. Это ПТСР боится меня.

– И что такое сто десятое подразделение военной полиции?

– Элитное подразделение.

– Как давно вы там не служите?

– Дольше, чем служил.

– Ладно, – сказал Аарон. – Это не мне решать. Речь только о числах, ни о чем больше.

Судебный процесс происходит теперь в компьютерах. Специальное программное обеспечение. Десять тысяч симуляторов. Все решает большинство. Пара очков в ту или другую сторону могут оказаться критичными. Отсутствие постоянного адреса плохо само по себе, даже если нет других негативных факторов.

– Берите то, что есть, – сказал Ричер.

И они взяли – Джек знал, что так и будет. Для них никогда не бывает слишком много. Лишнее можно отбросить потом. Нормальный подход. Часто большая часть хорошей работы оказывается выполненной напрасно, даже в самых удачных расследованиях. Поэтому он рассказал, что видел, от начала и до конца, справа налево, от близкого до далекого, а потом все они согласились, что этого достаточно. Аарон отправил Буша сделать распечатку аудиозаписи, чтобы Ричер ее подписал. Буш вышел, и Аарон повторил:

– Большое вам спасибо.

– Не стоит благодарности, – ответил Джек. – А теперь скажите, в чем тут ваш интерес?

– Как вы сами видели, все произошло прямо у нас на глазах.

– Теперь я начинаю думать, что это самое интересное. Какова вероятность – вот что я имею в виду. Детектив Буш припарковал машину на месте Д-два. Из чего следует, что он номер два среди детективов. Но он вел машину и выполняет ваши поручения. Значит, вы – детектив номер один. Таким образом, получается, что два самых главных детектива окружного департамента полиции случайно прогуливались по площади в двадцати ярдах от девушки, которую ограбили.

– Совпадение, – сказал Аарон.

– Я думаю, вы за ней следили, – сказал Ричер.

– С чего вы взяли?

– Потому что вас не интересовало, что с ней стало после ограбления. Возможно, вам известно, кто она такая. И вы не уверены, что она скоро вернется, чтобы сделать доклад. Или вам известно, как ее найти. Возможно, она работает на вас под прикрытием. В любом случае вы позволили ей самой позаботиться о себе. Вы несколько о ней не беспокоились. Вас занимала сумка. Произошло ограбление, сопровождавшееся насилием, но вас не интересовала потерпевшая. Может быть, сумка очень важна. Хотя я не понимаю, как такое могло быть. Мне она показалась пустой.

– Возникает впечатление, что имеет место настоящий заговор, не так ли?

– Это ваши слова, не мои, – продолжал Ричер. – Вы поблагодарили меня за помощь. Но в чем именно она состояла? Я не думаю, что вам следовало употребить эту фразу. Вы должны были сказать: «Вау, это что-то!» или нечто подобное. Или просто приподнять бровь, чтобы наладить контакт, или сломать лед. Как если бы мы были двумя парнями, которые просто поболтали. Однако вы весьма формально принесли мне благодарность. Вы сказали: «Большое вам спасибо за помощь в этом деле».

– Я лишь пытался быть вежливым, – ответил Аарон.

– Такой формальный подход требует подготовки. Вы сказали «в этом деле». В каком? Чтобы использовать слова «в этом деле», потребуется больше времени, чем доля секунды. Должно что-то предшествовать. И вы употребили длительное время. Вы *сказали*, что я вам «помогаю». Значит, что-то происходит прямо сейчас. То, что началось до того, как парень

вырвал сумку, и продолжается после. Кроме того, было еще множественное число. Вы сказали: за помощь «нам». Вам и Бушу. В том, чем вы уже владели, с чем бежали, но все немного пошло не так, однако в целом ущерб получился небольшим. Я полагаю, вы благодарили меня именно за такого рода помощь. Потому что испытали огромное облегчение. Возможно, если бы парень сумел сбежать, было бы намного хуже. Вот почему вы сказали «большое вам спасибо». Слишком прочувствованное «спасибо» за помощь при обычном ограблении. То, что там произошло, показалось вам исключительно важным.

– Я лишь старался быть вежливым.

– И я думаю, что мои свидетельские показания нужны главным образом для шефа полиции и членов городского правления, а не для компьютерной игры. Чтобы показать им: не вы виноваты в том, что давно начатая операция едва не провалилась. Вот почему вам требовался обычный человек. Любое третье лицо. В противном случае у вас были бы только собственные показания, которые вы давали бы в свою пользу. Вы с Бушем прикрываете друг другу спины.

– Мы просто гуляли.

– Вы даже не переглянулись. Ни секунды колебаний. Вы побежали за сумкой. Вы думали о ней целый день. Всю неделю.

Аарон не ответил, и у него больше не было возможности продолжить обсуждение, потому что дверь распахнулась и внутрь заглянул другой человек. Аарону жестом предложили выйти, он исполнил приказ, и дверь за ним захлопнулась. Но прежде чем Ричер успел подойти и проверить, заперта ли она, дверь снова открылась, и теперь внутрь голову засунул Аарон.

– Дальше показания с вас будут снимать другие детективы, – сказал он.

Дверь снова закрылась.

И опять открылась.

Первым вошел мужчина, который секунду назад заглянул в комнату для допросов. За ним следовал другой, похожий на него как две капли воды. Оба выглядели как классические персонажи со старых черно-белых фотографий Новой Англии. Результат многих поколений напряженной работы и сурового самоограничения. Оба крепкие, состоящие из сплошных сухожилий, казавшиеся слишком худыми. Они были в брюках из твила, клетчатых рубашках и синих спортивных пиджаках. Очень короткие стрижки без малейшего намека на стиль. Максимальная функциональность. Они сообщили, что работают на Агентство по борьбе с наркотиками, организацию, контролирующую все, что происходит в штате Мэн. И их расследование имеет более высокий приоритет, чем работа полицейских округов. Поэтому теперь допрос будут вести они. Они сказали, что у них есть вопросы относительно того, что видел Ричер.

Агенты уселись на стулья, которые освободили Аарон и Буш. Того, кто сидел слева, звали Кук; тот, что справа, сказал, что он Дилейни. Складывалось впечатление, что он был ведущим в паре и явно собирался сам вести разговор. О том, что Ричер видел, повторил он. Ничего больше. Так что ему не о чем беспокоиться.

– Но сначала мы должны выяснить один аспект, – тем не менее продолжал он. – Мы считаем, что наши коллеги из округа отнеслись к произошедшему слишком небрежно. Они покрывали чьи-то ошибки, возможно, сознательно.

– Что вы имеете в виду? – спросил Ричер.

– Каким было ваше психическое состояние и ваши намерения в тот момент, когда вы сбили с ног парня, укравшего сумку?

– Вы серьезно?

– Вашими собственными словами.

– И сколько именно должно быть слов?

– Столько, сколько потребуется.

– Я помогал полицейским.

– И ничего больше?

– Я увидел преступление. Злоумышленник бежал в мою сторону. Он оторвался от своих преследователей. У меня не было сомнений относительно его виновности. Поэтому я встал у него на пути. Он даже не получил серьезных повреждений.

– Как вы поняли, что те двое – полицейские?

– Таким было мое первое впечатление. Я ошибся?

Дилейни сделал небольшую паузу.

– Теперь расскажите все, что вы видели, – попросил он.

– Я уверен, что вы слушали, как я рассказывал в первый раз.

– Так и есть, – не стал спорить Дилейни. – Как и продолжение вашего разговора с детективом Аароном. После того, как детектив Буш вышел из комнаты для допросов. Складывается впечатление, что вы видели больше, чем рассказали во время дачи свидетельских показаний. Вы что-то говорили о существовании долговременной операции.

– Это лишь догадки, – сказал Ричер. – А они не относятся к свидетельским показаниям.

– С точки зрения этики?

– Пожалуй.

– Значит, вы следуете правилам этики, мистер Ричер?

– Стараюсь как могу.

– Но теперь вы можете снять груз со своей души. Вы уже дали показания и можете строить любые предположения. Что вы видели?

– И почему вы спрашиваете меня?

– Возможно, у нас возникла проблема, вдруг вы сможете нам помочь.

– Как?

– Вы были военным полицейским. Вы знаете, как это работает. Понимаете общую картину. Что вы видели?

– Полагаю, я видел Аарона и Буша, которые следили за девушкой с сумкой, – сказал Ричер. – Что-то вроде операции наблюдения. Точнее, наблюдения за сумкой, а не за девушкой. Когда все случилось, они полностью игнорировали девушку. Скорее всего, она собиралась передать сумку какому-то неизвестному человеку. Видимо, позднее. И в другом месте. Нечто вроде доставки или оплаты. Может быть, они хотели стать свидетелями передачи. Может быть, неизвестный подозреваемый являлся последним звеном в цепочке. Вот почему свидетели должны были иметь достаточно высокий статус. Или что-то в таком духе. Вот только план провалился, потому что вмешалась судьба в лице случайного грабителя. Просто не повезло. Такое бывает даже с лучшими из нас. На самом деле ничего страшного. Они могут все повторить завтра.

Дилейни покачал головой.

– Мы в мутных водах. Здесь речь о людях, которые больше не станут иметь дело с тем, кто пропустил встречу. Все кончено.

– Тогда я сожалею, – сказал Джек. – Но такое случается. Значит, лучше об этом забыть.

– Вам легко говорить.

– Не мои обезьяны, – сказал Ричер. – И не мой цирк. Я проходил мимо.

– Тут возникает еще одна небольшая проблема. Как мы сможем с вами связаться, если потребуется? У вас есть сотовый телефон?

– Нет.

– И как люди вас находят?

– Они этого не делают.

– Даже семья и друзья?

- У меня не осталось родственников.
- И друзей не осталось?
- Во всяком случае, таких, которые звонят каждые пять минут.
- И как люди узнают, где вы находитесь?
- Я знаю, – ответил Ричер. – Этого достаточно.
- Вы уверены?
- Пока меня еще ни разу не требовалось спасать.
- Дилейни кивнул.
- Тогда вернемся к тому, что вы видели.
- К какой части?
- С самого начала. Может быть, еще не все закончилось. Возможна ли другая интерпретация событий?
- Все бывает, – сказал Ричер.
- И какого рода вещи возможны?
- Раньше мне платили за такого рода беседы.
- Округ может угостить вас чашкой кофе.
- Договорились, – сказал Джек. – Черный, без сахара.
- Кук отправился за кофе, а когда он вернулся, Ричер сделал глоток и сказал:
- Благодарю вас. Но в целом я считаю, что все произошло случайно.
- Используйте свое воображение, – предложил Дилейни.
- Используйте свое, – ответил Джек.
- Ладно, – сказал Дилейни. – Предположим, Аарон и Буш не знали, где, когда, кто или как, но ждали, что рано или поздно сумка перейдет в другие руки.
- Хорошо, предположим, – сказал Ричер.
- Может быть, так и случилось. Просто немного раньше, чем они рассчитывали.
- Все бывает, – повторил Джек.
- Мы можем предположить, что плохие парни решили проделать все тайно и незаметно. Может быть, назначили фальшивую встречу, в то время как планировали похитить сумку по пути. Чтобы все получилось неожиданно и непредсказуемо. А это лучший способ избавиться от слежки. Может быть, они даже все отрететировали заранее. По вашим словам, девушка легко рассталась с сумкой. Вы сказали, что она села на землю, а потом вскочила и убежала.
- Ричер кивнул.
- Из чего следует, что парень в черной толстовке являлся неизвестным подозреваемым и должен был получить сумку с самого начала.
- Дилейни тоже кивнул.
- И мы его схватили; значит, операция имела полный успех.
- Вам легко говорить. И очень удобно.
- Дилейни не ответил.
- Где сейчас парень? – спросил Ричер.
- Агент указал в сторону двери.
- В двух комнатах отсюда. Скоро мы отвезем его в Бангор.
- Он начал говорить?
- Пока нет. Он ведет себя как хороший маленький солдат.
- Вот только он вовсе не солдат.
- Мы думаем, что это именно так. И считаем, что он заговорит, когда поймет, какая опасность ему грозит.
- Есть еще одна серьезная проблема, – сказал Ричер.
- Какая?

– Сумка показалась мне пустой. В таком случае о какой доставке или платеже может идти речь? Вам не удастся получить обвинительный приговор, если сумка с самого начала была пустой.

– Сумка не была пустой, – сказал Дилейни. – Во всяком случае, в начале.

– И что в ней находилось?

– Мы еще до этого доберемся. Но прежде нам следует вернуться назад. К тому, что я спросил у вас в самом начале. Чтобы знать наверняка. О вашем психическом состоянии.

– Я помогал полицейским.

– Неужели?

– Вас беспокоит ответственность, которую я могу понести? Если я – гражданское лицо, которое оказало помощь, то получаю такую же неприкосновенность, как и полицейские. К тому же парень не пострадал. Максимум пара синяков. Возможно, поцарапал колено. Никаких проблем. Если только у вас здесь не работают очень странные судьи.

– С нашими судьями всё в порядке. В особенности когда они понимают все обстоятельства.

– А какие здесь вообще возможны варианты? Я стал свидетелем преступления. Полицейские очевидным образом собирались поймать злоумышленника. Я им помог. Вы хотите сказать, что у вас с этим какие-то проблемы?

– Прошу нас извинить, – сказал Дилейни.

Ричер не ответил. Кук и Дилейни встали, вышли из-за стола, проследовали к выходу из комнаты и закрыли за собой дверь. Замок снова щелкнул, и теперь Ричер уже не сомневался, что дверь заперта. Он посмотрел в зеркало и увидел лишь свое отражение, серое с зеленым оттенком.

«Десять минут вашего времени... Каким может быть самый плохой исход?»

Никакого исхода не случилось. В течение трех долгих минут. Потом Кук и Дилейни вернулись и уселись на свои места: Кук слева, Дилейни справа.

– Вы утверждаете, что оказывали содействие офицерам полиции? – спросил Дилейни.

– Верно, – ответил Ричер.

– Вы не хотите изменить свое заявление?

– Нет.

– Вы уверены?

– А вы – нет?

– Нет, – сказал Дилейни.

– Почему?

– Мы считаем, что правда выглядит иначе.

– В каком смысле?

– Мы думаем, что вы взяли сумку у парня. Так же, как он отобрал ее у девушки. Мы думаем, что вторая неизвестная фигура – это вы.

– Сумка упала на землю.

– У нас есть свидетель, который видел, как вы наклонились и подняли ее.

– Я решил, что лучше ее не трогать, и оставил на месте. Аарон наклонился и поднял сумку.

Дилейни кивнул.

– Но к тому моменту она была пуста.

– Хотите обыскать мои карманы?

– Мы считаем, что вы достали содержимое сумки и передали его кому-то в толпе.

– Что?

– Если вы являетесь второй неизвестной фигурой, то почему бы не быть третьей?

– Чепуха, – сказал Ричер.

– Джек-прочерк-Ричер, вы арестованы за преступный сговор с коррумпированными и находящимися под влиянием рэкетиров организациями. Вы имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. Вы имеете право на адвоката. Если вы не можете оплатить его услуги, он будет предоставлен вам за счет налогоплательщиков.

* * *

В комнату для допросов вошли четверо полицейских округа, трое с пистолетами в руках, четвертый – с дробовиком. Сидевшие напротив Кук и Дилейни отвели каждый в стороны полы пиджаков, чтобы показать «Глок 17» в наплечной кобуре. Ричер сидел неподвижно. Шестеро против одного. Слишком много. Никаких шансов. К тому же в воздухе висело нервное напряжение, пальцы замерли на спусковых крючках, и он не знал, насколько хорошую подготовку прошли эти люди.

Они могли совершить ошибки.

Ричер сидел совершенно неподвижно.

– Я требую общественного адвоката, – сказал он.

И больше не произнес ни слова.

Ему сковали руки за спиной, вывели в коридор, дважды свернули, потом прошли через стальную дверь в бетонной раме и с замком в миниатюрный тюремный блок с тремя пустыми камерами, расположенными вдоль узкого коридора, и пустым регистрационным столом. Один из полицейских округа убрал пистолет в кобуру и обошел столик. С Ричера сняли наручники. Он отдал паспорт, банковскую карточку, зубную щетку, семьдесят долларов в банкнотах, семьдесят пять центов четвертаками и шнурки. В обмен получил толчок в спину и возможность занять первую пустую камеру.

Дверь захлопнулась, и замок с лязгом закрылся, точно молоток ударил по железнодорожному костылю. Полицейские еще раз заглянули в камеру, точно посетители зоопарка, потом повернулись и мимо регистрационного столика вышли один за другим из тюремного блока. Ричер слышал, как за последним из них закрылась стальная дверь. Затем раздался щелчок закрывающегося замка.

Джек ждал. Он был терпеливым человеком и хорошо умел ждать. Ему было некуда идти, и он располагал всем временем на свете. Ричер присел на кровать – залитую бетоном форму, как и маленький столик со стулом. На стуле лежала небольшая круглая подушечка, сделанная из такой же покрытой винилом пены, что и матрас на кровати. Стальной унитаз составлял единое целое с раковиной. Из крана текла только холодная вода. Как номер в самом худшем мотеле, уменьшенный до минимально допустимых размеров. Как если бы заключенный, пытаясь сбежать, мог применить силу, превосходящую атомную бомбу.

* * *

Ричер продолжал мысленно отслеживать время. Прошло два часа, потом часть третьего, после чего появился самый молодой полицейский для рутинной проверки. Он заглянул сквозь прутья и спросил:

– Вы в порядке?

– Я в порядке, – ответил Ричер. – Разве что немного проголодался. Время ланча уже прошло.

– Тут у нас проблема...

– Ваш шеф-повар заболел?

– У нас нет шеф-повара. Мы посылаем за едой в кафе, которое находится в соседнем квартале. Ланч должен стоить не более четырех долларов. Но это норма округа. А вы – заключенный штата. Мы не знаем, сколько следует заплатить за ваш ланч.

– Надеюсь, больше.

– Но мы должны знать наверняка. В противном случае у нас могут быть неприятности.

– Разве Дилейни не знает или Кук?

– Они уехали. Увезли другого подозреваемого в свой штаб в Бангоре.

– Сколько денег выделяется на обед?

– Шесть с половиной долларов.

– А на завтрак?

– К завтраку вас здесь уже не будет. Вы – заключенный штата. Как тот, другой парень. Они приедут за вами сегодня вечером.

* * *

Через час молодой полицейский вернулся с сэндвичем с запеченным сыром и пластиковым стаканчиком с кока-колой. Три доллара с мелочью. Очевидно, детектив Аарон сказал, что, если штат платит меньше, он лично покроет разницу.

– Передайте ему от меня спасибо, – сказал Ричер. – И скажите, чтобы соблюдал осторожность. Услуга за услугу.

– А в чем он должен соблюдать осторожность?

– В том, каких убеждений ему следует придерживаться.

– И что это значит?

– Он либо поймет, либо нет.

– Вы хотите сказать, что не делали то, в чем вас обвиняют?

Ричер улыбнулся.

– Полагаю, вы много раз слышали подобные заявления.

Молодой полицейский кивнул.

– Все так говорят. Никто из вас никогда ничего не делал. Других слов мы и не ждем.

Полицейский ушел, Джек закончил с трапезой и снова стал ждать.

* * *

Еще через два часа молодой полицейский вернулся в третий раз.

– Пришел общественный адвокат, – сказал он. – В данный момент она обсуждает вашу ситуацию по телефону с ребятами из полиции штата. Они все еще в Бангоре. Скоро адвокат к вам придет.

– И какая она? – спросил Ричер.

– Она в порядке. Однажды у меня украли машину, и она помогла мне уладить дело со страховой компанией. Она училась вместе с моей сестрой в старших классах.

– Сколько лет вашей сестре?

– На три года старше меня.

– А сколько лет вам?

– Двадцать четыре.

– И вы получили деньги за машину?

– Часть.

Полицейский устроился за регистрационным столиком. Чтобы произвести впечатление – о заключенном заботятся, решил Ричер, во всяком случае, пока здесь находится адвокат. Джек продолжал сидеть на кровати. Он ждал.

Тридцать минут спустя пришла адвокат. Она дружелюбно поздоровалась с сидевшим за столиком полицейским – так приветствуют младшего брата своей одноклассницы, – потом негромко сказала что-то про конфиденциальность разговора с клиентом, паренек вышел и закрыл за собой стальную дверь. В тюремном блоке наступила тишина. Адвокат посмотрела на Ричера сквозь прутья решетки. Как посетитель зоопарка, возможно оказавшийся у клетки с гориллой.

Она была среднего роста и среднего телосложения. Строгий черный костюм. Короткие каштановые волосы с более светлыми прядями, карие глаза, круглое лицо и рот с опущенными уголками. словно перевернутая вниз улыбка. Как если бы ее жизнь состояла из бесконечной череды разочарований. В руке она держала портфель, так сильно набитый бумагами, что молния осталась незастегнутой. Сверху лежал желтый блокнот с отрывными страницами. Ричер заметил какие-то сделанные от руки записи.

Адвокат оставила портфель на полу, вытащила стул из-за письменного стола, поставила его напротив камеры Ричера и уселась, устроившись поудобнее, плотно сжав колени и зацепившись каблуками туфель за нижнюю рейку. словно это обычная встреча с клиентом и они сидят по разные стороны стола. Вот только стола не было. Их разделяла стена из близко расположенных друг к другу стальных прутьев.

– Меня зовут Кэти Кларк, – сказала адвокат.

Ричер ничего не ответил.

– Сожалею, что приехала с таким опозданием. У меня очень плотное расписание.

– Вы занимаетесь еще и недвижимостью? – спросил Джек.

– Да, по большей части.

– Сколько уголовных дел вы вели?

– Одно или два.

– Между одним и двумя существует заметное расхождение в процентном отношении.

Сколько?

– Одно.

– Вы его выиграли?

– Нет.

Ричер ничего не сказал.

– Вы имеете то, что имеете. Так работает система. Есть список. Сегодня я находилась в верхней части. Как в очереди на такси в аэропорту.

– Почему мы разговариваем не в комнате для переговоров?

Она не ответила. У Джека сложилось впечатление, что ей нравятся разделявшие их стальные прутья. Как если бы они гарантировали ей безопасность.

– Вы думаете, что я виновен? – спросил он.

– Не имеет значения, что я думаю. Важно, что я могу сделать.

– И что же?

– Давайте поговорим, – предложила Кларк. – Вы должны объяснить, почему оказались там.

– Должен же я где-то находиться. Им нужно объяснить, почему я сдал своего соучастника. Я преподнес им его на блюдечке.

– Они думают, что вы просто совершили ошибку. Вы собирались схватить сумку, но случайно сбили его с ног. Они считают, вы хотели, чтобы он убежал.

– А почему полицейские округа вовлечены в операцию штата?

– Бюджет, – ответила она. – Ну и для того, чтобы разделить лавры – ко всеобщему удовольствию.

– Я не брал в руки сумку.

– У них есть четыре свидетеля, которые видели, как вы к ней наклонились.
Ричер промолчал.

– Почему вы там оказались? – спросила она.

– На площади находилось тридцать человек. Почему?

– Из показаний свидетелей следует, что парень бежал прямо к вам. А не к ним.

– Все произошло иначе. Я встал на его пути.

– Вот именно.

– Вы думаете, что я виновен.

– Не имеет значения, что я думаю, – повторила она.

– Что, по их утверждению, находилось в сумке?

– Они не говорят.

– А это законно? Разве мне не следует знать, в чем меня обвиняют?

– Я считаю, что на данном этапе все законно.

– Вы полагаете? Мне нужно кое-что побольше.

– Если вы хотите другого адвоката, то вперед – нужно только заплатить.

– Парень в толстовке уже заговорил? – спросил Ричер.

– Он утверждает, что это обычное ограбление, он якобы думал, что у девушки в сумке деньги и другие вещи. Он рассчитывал найти там наличные и кредитные карты. Может быть, сотовый телефон. Агенты штата считают, что это заготовленное заранее прикрытие.

– Тогда почему я не попытался сбежать? Почему остался стоять на том же месте?

– Аналогичное объяснение, – сказала Кларк. – Вы заранее приготовили прикрытие. С того момента, как все пошло не так. Вы увидели, как они схватили вашего подельника, и оба сразу перешли к плану Б. Он стал грабителем, вы помогли полиции. Он получит легкий приговор, а вас похлопают по плечу. Они считают, что вы оба изощренные преступники. Складывается впечатление, что речь идет о чем-то очень крупном.

Ричер кивнул.

– Насколько крупном, как вы считаете?

– Это серьезное расследование. И оно продолжается довольно долго.

– Дорогостоящее, как вы думаете?

– Полагаю, да.

– Но сейчас наступили времена, когда все стараются экономить деньги.

– Деньги всегда имеют значение.

– Как и эго, репутации и отчеты об эффективности. Подумайте о Дилейни и Куке. Поставьте себя на их место. Длительное и дорогое расследование разваливается из-за случайности. Они вернулись к самому началу. Или даже хуже. Может быть, не существует способа все исправить. Вокруг полно недовольных. Что произойдет дальше?

– Я не знаю.

– Человеческая природа, – сказал Ричер. – Сначала они кричат, проклинают и колотят кулаками по стене. Потом включается инстинкт самосохранения. Они ищут способ прикрыть свои задницы и объявить операцию успешной. Агент Дилейни именно так и выразился. Они придумали, что парень был частью аферы. Потом послушали мой разговор с Аароном. Узнали, что у меня нет постоянного места жительства. Я бродяга, как выразился сам Аарон. И у них возникла новая идея. Они хотят убить двух зайцев одним ударом. Заявят, что схватили двух парней и вырвали у подлого врага сердце. И тогда уже их похлопают по плечу и выпишут благодарности.

– Вы утверждаете, что они сфабриковали дело против вас.

– Я знаю.

– Ну это уже слишком.

– Они дважды все проверили. Убедились, что у меня нет сотового телефона. Выяснили, что никто не отслеживает мои передвижения. Получили подтверждение, что я – идеальный козел отпущения.

– Вы сами согласились, что парень мог быть не просто обычным грабителем.

– Это было гипотетическое предположение, – сказал Ричер. – И я сделал его без особого энтузиазма. Как часть профессионального обсуждения. Они мне польстили. Сказали, что я знаю, как все работает. Я им потворствовал. Они придумывали всякую чепуху, чтобы прикрыть свои задницы. Я лишь вел себя вежливо.

– Вы сказали, что подобное возможно.

– Ну зачем мне такое говорить, если я в этом замешан?

– Двойной блеф.

– Я не так умен, – сказал Ричер.

– Они считают иначе. Они сказали, что вы служили в элитном подразделении военной полиции.

– Но разве тогда я не должен находиться на их стороне?

Адвокат промолчала, только принялась ерзать на стуле, и Джек догадался, что она встревожена. Отсутствие сочувствия. Недоверие. Возможно, даже отвращение. Желание поскорее уйти. Человеческая природа. Он знал, как это работает.

– Проверьте время на записи. Они услышали, что у меня нет постоянного адреса, колеса у них в головах закрутились, и вскоре они уже находились в одной комнате со мной и сами стали вести допрос. Потом они вышли, всего на минуту. Для того, чтобы обменяться идеями и обсудить, достаточно ли у них улик. Сможет ли у них получиться. Решили попытаться. Вернулись и арестовали меня.

– Я не могу выступить с этим в суде.

– А с чем можете?

– Ни с чем, – ответила Кларк. – Лучшее, что я могу для вас сделать, это предложить признать себя виновным и пойти на сделку.

– Вы шутите?

– Нисколько. Вам предъявят очень серьезные обвинения. Они представят суду вполне работающую гипотезу, а потом подтвердят ее показаниями обычных граждан штата Мэн, каждый из которых является приятелем или знакомым членом жюри. Вы же – чужак с непонятным образом жизни. Ну, к примеру, откуда вы?

– Ниоткуда.

– Где вы родились?

– В Западном Берлине.

– Вы немец?

– Нет, мой отец был морским пехотинцем. Он родился в Нью-Гемпшире. А в Западном Берлине он в то время служил.

– Вы всегда были военным?

– И мужчиной, и мальчиком.

– Это плохо. Люди будут благодарны вам за службу, но сочтут, что вы всё испортили из-за перенесенных душевных травм. Существует вполне реальный риск, что вас признают виновным, и тогда вам грозит значительный срок. Гораздо лучше признаться в меньшем правонарушении. В таком случае вы сэкономите время и расходы на проведение прений в суде. А это много значит. Разница может составить от пяти лет до двадцати. Как ваш адвокат, я обязана предупредить вас об этом.

– То есть вы предлагаете мне отсидеть пять лет за преступление, которого я не совершал?

– Присяжным хорошо известно, что все утверждают, будто они невиновны.

– И адвокатам?

– Клиенты постоянно лгут.

Ричер промолчал.

– Они хотят сегодня перевезти вас в Уоррен, – сказала адвокат.

– А что такое Уоррен?

– Тюрьма штата.

– Превосходно.

– Я подала прошение, чтобы вас задержали здесь на день или два. Так для меня было бы удобнее.

– И?..

– Мне отказали.

Джек снова промолчал.

– Завтра утром они привезут вас сюда для предъявления обвинения, – продолжала адвокат. – Суд находится в этом же здании.

– Значит, меня отвезут туда, а потом вернут обратно менее чем за двенадцать часов? Не слишком разумно. Мне следовало бы остаться здесь.

– Вы попали в систему. Так она работает. Все лишено смысла. Привыкайте. Завтра мы обсудим ваше заявление. Я предлагаю вам серьезно обдумать мое предложение.

– Как насчет освобождения под залог?

– Сколько вы можете заплатить?

– Примерно семьдесят долларов с мелочью.

– Суд посчитает это оскорблением, – сказала Кларк. – Лучше даже не пытаться.

Потом она соскользнула со стула, подняла набитый бумагами портфель и вышла из тюремного блока. Ричер услышал, как открывается и закрывается стальная дверь. В тюремном блоке вновь наступила тишина.

«Десять минут вашего времени... Каким может быть самый плохой исход?»

* * *

Прошел еще час, и молодой полицейский вернулся. Он сказал, что получил разрешение потратить те самые шесть долларов и пятьдесят центов на обед и что их выделяет штат. Потом он добавил, что Ричер может выбрать все, что есть в меню кафе, и перечислил варианты, которых оказалось немало. Джек немного подумал. Может быть, пирог с курицей. Или пасту. Или салат с яйцами. Он принялся вслух размышлять, что выбрать, и паренек порекомендовал пирог с курицей, сказав, что тот очень неплох. Ричер поверил ему на слово. И еще кофе, добавил он. Много кофе, в термосе, чтобы напиток оставался горячим. В фарфоровой чашке с блюдцем. Без сливок и сахара. Полицейский все записал на листке бумаги огрызком карандаша.

– Вам понравился общественный защитник?

– Конечно, – ответил Ричер. – Очень милая леди. И умная. Она полагает, что все это – недоразумение. Сказала, что парни из полиции штата иногда страдают от избытка энтузиазма. В отличие от ребят из округа, им не хватает здравого смысла.

Молодой полицейский кивнул.

– Да, иногда такое случается.

– Она сказала, что завтра меня, скорее всего, выпустят. И добавила, что мне следует сидеть спокойно и верить в систему.

– Да, обычно так лучше всего.

Парень кивнул, засунул листок бумаги в карман рубашки и вышел, закрыв за собой стальную дверь.

Ричер остался сидеть на кровати – и ждать. Он чувствовал, как в здании становится тише, дневная смена отправляется по домам, приходит ночная. Людей будет меньше. Бюджет. Сельский округ в малонаселенной части штата. Наконец вернулся молодой полицейский с обедом. Почти наверняка его сегодняшние обязанности на этом закончились. Он принес поднос с фарфоровой тарелкой, накрытой металлической крышкой, кофе в белом гофрированном пузатом термосе из пластика, блюдце с перевернутой чашкой, а также нож и вилку, завернутые в бумажную салфетку.

Пластиковый термос был ключевым элементом. Из-за него поднос оказался слишком высоким, чтобы пройти в горизонтальный просвет между прутьями. Молодой коп не мог положить термос набок на подносе, ведь тогда кофе вылился бы на пирог. И не мог просунуть его между вертикальными прутьями, потому что он был пузатым.

Охваченный сомнениями, паренек замер на месте.

Двадцать четыре года. Новичок. Парень, который знал, что Ричер не опаснее мирного старика, проводящего все время в постели, расслабленного и покорного. Никаких воплей или криков. Никаких жалоб. Ни малейших проявлений дурного характера.

Человек, который верит в систему.

Никакой опасности.

Он постарается удержать поднос на сведенных башенкой пальцах одной руки, как обычный официант. Потом вытащит ключи из-за пояса, отопрет замок и приоткроет дверь носком ботинка. Его кобура оставалась пустой – пистолета в ней не было. Стандартная практика по всему миру. Тюремные охранники не бывают вооруженными. Он шагнет в камеру, повесит ключи на пояс и перехватит поднос двумя руками. А потом повернется к бетонному столику.

И тогда у Ричера появится несколько различных вариантов.

Джек ждал.

Но нет.

Парень был из тех новичков, у которых воруют машины, но назвать его дураком язык не поворачивался. Он опустил поднос на пол перед входом в камеру, взял термос и чашку с блюдцем и поставил их на пол по другую сторону прутьев. Потом снова поднял поднос и просунул его сквозь горизонтальную щель между прутьями. Ричер взял его. Теперь, чтобы налить кофе, ему придется просунуть руки между прутьями и взять чашку. А потом втащить ее внутрь. Возможно, без блюдца, но ведь он обедает не в «Ритце».

– Вот, пожалуйста, – сказал парень.

Нет, он не был дураком.

– Спасибо, – тем не менее поблагодарил Ричер. – Я очень это ценю.

– Приятного аппетита, – сказал парень.

Но Джек не получил удовольствия. Пирог оказался невкусным, а кофе – некрепким.

* * *

Через час пришел другой полицейский, чтобы забрать пустую посуду. Ночная смена.

– Мне нужно поговорить с детективом Аароном, – сказал Ричер.

– Его здесь нет, – ответил новый полицейский. – Он ушел домой.

– Верните его. Прямо сейчас. Это важно.

Полицейский не ответил.

– Если он узнает, что я просил тебя его вызвать, но ты ему не позвонил, он надерет тебе задницу. Или отберет значок. Я слышал, что у вас проблемы с бюджетом. Вот мой тебе совет: не давай ему повода.

– О чем речь?

- Еще один трофей в коллекцию.
 - Ты намерен сделать признание?
 - Может быть.
 - Ты – заключенный штата. А мы – округ. Для нас не имеет значения, что ты сделал.
 - Все равно позвони ему.
- Полицейский не ответил. Просто унес поднос и закрыл за собой стальную дверь.

* * *

Тем не менее он позвонил, потому что Аарон появился через девяносто минут. Примерно в середине вечера. Он был в том же костюме. Ричер не заметил в нем нетерпения или раздражения. Детектив оставался совершенно спокойным. Ну, возможно, присутствовала некоторая толика любопытства.

Аарон посмотрел сквозь прутья.

– Чего ты хочешь? – спросил он.

– Поговорить о деле, – ответил Ричер.

– Оно находится в ведении полиции штата.

– Вовсе нет, если речь идет об обычном ограблении.

– Ограбление тут ни при чем.

– И ты в это веришь?

– Вполне правдоподобный способ избавиться от слежки.

– А как относительно меня в качестве второго тайного соучастника?

– Тоже вполне правдоподобно.

– Тогда речь идет о настоящем чуде согласования действий. Тебе не кажется? Ровно в нужном месте и в нужное время.

– Ты мог ждать там несколько часов.

– Неужели? Что говорят свидетели?

Аарон не ответил.

– Проверь время по записи, – продолжал Ричер. – Мы с тобой разговариваем. Представь себе последовательность нашей беседы. Я заинтересовал Дилейни, когда он что-то услышал.

Аарон кивнул.

– Твой адвокат передала мне твои выводы. Бездомный козел отпущения. Тогда твои слова меня не убедили, не убеждают и сейчас.

– Даже на уровне обоснованного сомнения?

– Я – детектив. А обоснованное сомнение – это для присяжных.

– И ты будешь доволен, если невиновный человек попадет в тюрьму?

– Невиновный или нет, решают присяжные.

– А если меня оправдают? Тебе хотелось бы, чтобы твое дело сторело у тебя на глазах?

– Это не мое дело. Им занимается полиция штата.

– Послушай запись еще раз. Время на исходе, – сказал Ричер.

– Я не могу, – ответил Аарон. – Записи не существует.

– Но ты сам сказал мне, что наш разговор записывается.

– Мы – полиция округа. Нам нельзя записывать допрос, который ведет полиция штата.

Не наша юрисдикция. Так что запись была остановлена.

– Это произошло до того. Во время нашего с тобой разговора.

– Та часть исчезла. Она стерлась, как только запись остановили.

– Стерлась?

– Всякое случается.

– Кто нажал на кнопку «стоп»?

Аарон не ответил.

– Кто? – снова спросил Ричер.

– Дилейни, – ответил Аарон. – Когда он занял мое место. Он извинился. Сказал, что незнаком с таким оборудованием.

– И ты поверил?

– Почему нет?

– Ты уверен, что это произошло случайно? Уверен, что они не пытаются сделать из дерьма конфетку? Уверен, что они не заматают следы?

Аарон молчал.

– И ты никогда не видел, как случаются подобные вещи? – спросил Ричер.

– Что ты хочешь от меня услышать? Он – мой коллега, полицейский.

– Как и я.

– Ты им был – когда-то. Теперь ты просто случайный прохожий.

– Наступит момент, и ты станешь таким же. Ты хочешь, чтобы все годы твоей службы отправились псу под хвост?

Аарон не ответил.

– В самом начале ты сказал мне, что присяжные не любят, когда показания дают полицейские. Почему? Присяжные так часто ошибаются?

Никакого ответа.

– Неужели ты не помнишь, о чем мы с тобой говорили?

– Даже если б я смог вспомнить, мое слово будет против слова полицейского штата. И речь ведь не шла о явной улике, не так ли?

Ричер ничего не сказал. С минуту Аарон смотрел на него сквозь решетку, а потом ушел.

* * *

Джек лежал на спине на узкой кровати, приподнявшись на локте и опираясь головой на собственную ладонь. *Проверь время по записи.* Он мысленно повторил все, что помнил из своего первого разговора с Аароном. В зеленой, похожей на бункер комнате. Свидетельские показания. Преамбула. Имя, дата рождения, номер социального страхования. Потом адрес. Отсутствие постоянного жилища и так далее, и тому подобное. Он представил, как их разговор слушает Дилейни. Маленький громкоговоритель в другой комнате. *Иными словами, вы бездомный,* сказал тогда Аарон. Дилейни это слышал. Четко и ясно. Сколько времени требуется, чтобы увидеть шанс и вмешаться в допрос?

«Слишком долго», – подумал Ричер.

Потом последовала какая-то избыточная чепуха про ПТСР и 110-е подразделение военной полиции и длительная торговля относительно пользы или вреда его показаний; наконец, сами показания – осторожные, сдержанные, логически последовательные, детальные, четкие и неспешные. И личная беседа. Она началась после того, как вышел Буш. Предположения, подтвержденные семантическим анализом. *Вы сказали: «Большое спасибо, что вы помогли нам в этом деле».* И так далее. Лапша, которую вешали ему на уши. Все вместе заняло около семи минут. Или восьми. Может быть, девяти.

Или десяти.

Слишком много времени.

Дилейни отреагировал на что-то другое.

На то, что он услышал позднее.

* * *

Когда часы в голове Ричера показали десять часов, из коридора за стальной дверью послышались тяжелые шаги. Дверь распахнулась, и вошли люди. Сразу шестеро. Разная форма. Полиция штата. Сопровождение арестанта. У них были аэрозоли «Мейс», перцовые баллончики и электрошокеры на поясах. Наручники и ножные кандалы на тонкой цепочке. И они знали свое дело. Ричера заставили встать спиной к прутьям и высунуть руки наружу через специальное отверстие для передачи подносов с едой. Ему сковали запястья, затем один из пришедших присел на корточки, просунул руки сквозь прутья и надел на Ричера ножные кандалы – в точности как он сам наливал себе кофе, только наоборот. Затем охранники пристегнули цепочкой ножные кандалы к наручникам. И только после этого открыли дверь в камеру. Джек двинулся вперед, делая маленькие шаркающие шаги, потом они остановились возле столика и вытащили его вещи из шкафчика. Паспорт, банковскую карточку, семьдесят долларов и семьдесят пять центов мелочью и шнурки. Все вещи сложили в конверт цвета хаки и заклеили его.

Ричера вывели из камеры – трое впереди, трое сзади. Они прошли по коридорам с низкими бетонными потолками и направились к парковке. Там их дождался серый школьный автобус с решетками на окнах, припаркованный рядом с разбитым внедорожником. Джека втолкнули внутрь и посадили на скамью в задней части автобуса. Других пассажиров не было. Один полицейский сел за руль, остальные пятеро уселись впереди.

До Уоррена добрались перед полуночью. Тюрьма была видна с расстояния в милю, из тумана выступали яркие полусферы фонарей. Автобус остался стоять перед воротами в свете прожекторов, дизельный двигатель продолжал работать на холостых оборотах, потом ворота открылись, и автобус заехал внутрь. И снова остановился перед вторыми воротами. Наконец водитель заглушил двигатель перед железной дверью с надписью «Приемка заключенных».

Ричера провели в нее, потом они свернули направо на Y-образном перекрестке к камерам предварительного заключения для арестованных, которые еще не прошли суд. С него сняли наручники и ножные кандалы. Вещи в конверте цвета хаки приняли по описи, после чего ему выдали белый комбинезон и синие тапочки для душа. Затем его завели в камеру, очень похожую на ту, что он покинул. Дверь закрылась, щелкнул замок. Эскорт ушел, а еще через минуту свет погас, и весь блок погрузился в шумную и тревожную темноту.

* * *

Свет снова загорелся в шесть утра. Ричер услышал, как охранник в коридоре открывает одну дверь за другой. Со временем он добрался и до камеры Джека. Это был неприятный мужчина тридцати лет.

– Отправляйся за завтраком, – сказал он.

Завтрак проходил в большом помещении с низким потолком, где пахло вареной едой и дезинфицирующими средствами. Ричер занял очередь за двенадцатью другими арестантами. Парня в черной толстовке среди них не было, и Джек решил, что он все еще в Бангоре, в Управлении штата по борьбе с наркотиками. Может быть, он заговорил, может быть, нет. Ричер получил полный половник желтой массы – возможно, это был омлет, который подавали на ломте того, что, возможно, называлось белым хлебом, – а также чашку из меламина, наполовину наполненную тем, что, возможно, считалось кофе. Или водой, оставшейся после вчерашнего мытья посуды. Джек сел на скамью за свободным столом и принялся за еду.

Остальные обитатели тюрьмы были самыми разными, но по большей части они казались нервными и незаметными. Задняя часть мозга Ричера автоматически оценила возмож-

ную опасность и пришла к выводу, что ему не о чем беспокоиться, если только болезни зубов не заражны.

После завтрака их собрали для обязательной часовой прогулки. Двор для арестованных был совсем небольшим, примерно размером с баскетбольную площадку, и от основного населения тюрьмы его отделяла высокая проволочная ограда с воротами с засовом, но без замка. Охранник, который привел их, занял пост перед воротами. У него за спиной начинался бледный весенний восход.

Большая часть двора была заполнена сотнями мужчин в комбинезонах другого цвета. Они бродили по двору, собираясь в группы. Некоторые выглядели доведенными до отчаяния. Один, огромный парень ростом за два метра и весом заметно больше ста килограммов, походил на карикатурного лесоруба штата Мэн; не хватало только клетчатой шерстяной рубашки и двустороннего топора. Он был крупнее Ричера, что являлось статической редкостью. Великан находился по другую сторону ограды и смотрел на Джека, который не стал отводить взгляда. Глаза в глаза. Парень подошел ближе. Ричер продолжал смотреть.

В тюрьмах существуют опасные неписанные правила. Если ты отводишь взгляд, то ступаешь на скользкий путь. Слишком покорно. Лучше с самого начала установить иерархию. Человеческая природа. Ричер знал, как работают эти вещи.

Парень остановился перед самой оградой.

– Ты на кого смотришь? – спросил он.

Стандартный гамбит. Древний, как горы. Джеку следовало испугаться и ответить: «Ни на кого». Тогда парень спросит: «Ты назвал меня никем?» И с этого момента ситуация станет только хуже. Таких вещей лучше избегать.

Именно по этой причине Ричер сразу ответил:

– Я смотрю на тебя, придурок.

– Как ты меня назвал?

– Придурком.

– Ты – труп.

– Пока нет, – ответил Джек. – Во всяком случае, не был им, когда проверял в последний раз.

И тут в другом углу большого двора поднялся какой-то переполох. Позднее Ричер понял, что все было очень точно рассчитано. Шепот и сигналы от одного человека к другому, по диагонали. Послышались далекие крики и шум драки. На башнях зажглись и повернулись в сторону беспорядка прожекторы. Затрещали рации. Все побежали в дальний угол. В том числе охранники. И тот, что стоял у маленьких ворот. Он проскользнул в них и бросился в толпу.

Между тем большой парень начал двигаться в противоположном направлении. Через оставшиеся приоткрытыми ворота. В маленький дворик. Прямо к Ричеру. Не слишком приятное зрелище. Черные тапочки для душа, без носков, оранжевый комбинезон, натянутый на выпуклых мышцах.

А потом положение ухудшилось еще больше.

Парень взмахнул рукой, как кнутом, и в его ладони появилось оружие. Из рукава. Тюремная заточка. Чистый пластик. Возможно, ручка от зубной щетки, обработанная о камень, около шести дюймов длиной. Как стилет. Третью ее была замотана киперной лентой. Для удобного хвата. Паршивое дело.

Ричер сбросил тапочки для душа. Большой парень последовал его примеру.

– Я всю жизнь придерживаюсь одного правила, – сказал Джек. – Если ты машешь передо мной ножом, я ломаю тебе руку.

Большой парень ничего не ответил.

– Боюсь, это правило невозможно отменить. Я не могу сделать исключение только из-за того, что ты идиот.

Большой парень сделал шаг вперед.

Заключенные во дворе стали отходить в стороны. Ричер услышал, как звякнул забор, когда они к нему прижались. Драка в другом конце двора продолжалась, но она не была настоящей, и заключенные старались не в полную силу. Это не могло продолжаться долго. Очень скоро прожекторы зальют светом остальную часть двора. Охранники перегруппируются и вернутся. Ему оставалось только ждать.

Не его путь.

– Последний шанс, – сказал Джек. – Брось оружие и ляг на землю. Иначе ты сильно пострадешь.

Он использовал голос военного полицейского, за долгие годы ставший холодным и вызывающим страх, полным неудержимой психологической угрозы, верно служивший ему еще с тех времен, когда он был ребенком и дрался в переулках по всему миру. Ричер увидел, как в глазах большого парня что-то сверкнуло. Но ничего больше. Не сработает. Придется драться.

И вдруг Джек почувствовал себя счастливым.

Потому что все понял.

«Всего десять минут вашего времени. Вы видели то, что видели».

Он не любил ножи.

– Ну иди сюда, толстяк. Покажи, на что ты способен.

Парень шагнул вперед, одновременно повернувшись и выставив перед собой заточку. Ричер имитировал движение влево, заточка дернулась в том же направлении, но он ушел вправо, внутрь траектории движения заточки; его левая рука устремилась к запястью парня, но он немного не рассчитал и схватил руку – казалось, он сжал мяч для софтбола – и дернул ее, что еще сильнее развернуло великана, а потом провел тройной удар правой своему врагу в лицо, *бам-бам-бам*.

Так что все произошло практически мгновенно. Левой Ричер продолжал изо всех сил сжимать правую руку своего противника с зажатой в ней заточкой. Парень дернулся назад, пот на ладони Джека помог ему высвободиться, и у Ричера осталась заточка, что его вполне устроило. Острым был лишь кончик, и клинок не стальной, а всего лишь пластиковый. Ричер приложил подушечку большого пальца к тому месту, где заканчивалась лента, и сломал заточку, словно повернул дверную ручку.

Пока все шло хорошо. И в этот момент, после того как прошло три секунды, Джек понял, что теперь его главная задача состоит в том, чтобы выполнить данное обещание и сломать парню руки. Они были огромными. Толще, чем ноги у большинства людей. И покрыты мощными узлами мускулов.

А потом все стало еще хуже.

У громилы шла кровь из носа и рта, но это лишь придало ему сил. Он напрягся и взревел, как парни из шоу силачей, которых Ричер видел по кабельному телевидению в мотелях. Словно он пытался раззадорить себя для того, чтобы сдвинуть с места грузовик, упираясь в специальную упряжь, или приподнять камень размером с «Фольксваген». Нападавший хотел броситься вперед, как водяной буйвол, сбить Ричера на землю и начать его топтать.

Отсутствие обуви сильно мешало. Наносить удары босыми ногами – это для спортивных клубов или Олимпийских игр. Резиновые тапочки для душа даже хуже, чем ничего. Именно по этой причине заключенным и приходилось их носить. Так что удары ногами следовало исключить из меню. Печальное ограничение. Но колени и локти вполне можно было пустить в дело.

Громила, широко расставив руки в стороны, с ревом бросился вперед, словно собирався заключить Ричера в медвежьи объятия. И тогда Джек также пошел в атаку. Прямо на своего противника. Никакой альтернативы. Столкновение – это же замечательно. Впрочем, все зависело от того, кто первым нанесет удар. Ответ получился однозначным – первыми встретились плечо Ричера и верхняя губа парня. Как авария на автостраде. Как два грузовика, столкнувшихся лоб в лоб. Как если бы великан сам врезал себе по голове.

Завыли тюремные сирены.

Общий план. Что ты видишь?

Прожекторы возвращались на прежние позиции. На тюремном дворе восстановлен порядок, и внезапно стало тихо. И великан-головорез не смог противиться соблазну. Человеческая природа. Он хотел посмотреть. Он хотел знать. Он повернул голову. Едва заметное сокращение мышц. Инстинкт, тут же подавленный.

Но этого оказалось достаточно. Ричер ударил его в ухо. Времени у него было больше, чем достаточно. Словно он захотел врезать по висевшей на дереве боксерской груше. Кроме того, ни у кого нет мощных мускулов в ушах. Вообще никаких нет. Все уши практически одинаковы. Там находятся самые маленькие кости нашего тела. А также механизмы, отвечающие за сохранение равновесия, при утрате которых человек просто падает.

Громила тяжело рухнул на землю.

Прожектора осветили проволочную ограду.

Ричер взял большого парня за руку, как будто собирался помочь ему встать. Но нет. Потом – словно хотел уважительно пожать и тепло поздравить его с доблестным поражением.

Но и это предположение оказалось неверным.

Ричер всадил сломанную заточку в ладонь парня, так что она прошла насквозь, потом шагнул в сторону и смешался с остальными заключенными. Через секунду луч прожектора остановился на его поверженном противнике. Сирены сменили тон и тут же смолкли.

* * *

Ричер ждал в своей камере. Он не сомневался, что ожидание будет недолгим. Он являлся очевидным подозреваемым. Остальные заключенные, находившиеся во дворе, были вдвое меньше крупного парня, затеявшего драку. Так что охранники сначала придут к нему. Скорее всего. И тогда может возникнуть проблема. Технически совершенно преступление. Во всяком случае, так сказали бы некоторые. Другие возразили бы, что это классический случай самообороны, что почти законно. Вопрос интерпретации.

Ему предстояли деликатные переговоры.

Каким может быть самый плохой исход?

Ричер ждал.

В коридоре послышались шаги. К его камере направлялось два охранника, на ремнях которых висели «Мейс», перцовые баллончики и электрошокеры. А также наручники, ножные кандалы и тонкие цепи.

– Подойди к решетке, встань спиной и просунь руки так, чтобы мы могли надеть на тебя наручники.

– И куда мы пойдем? – спросил Ричер.

– Скоро узнаешь.

– Я бы предпочел узнать это сейчас.

– А я бы хотел получить шанс воспользоваться электрошокером. И чье желание сегодня исполнится – твое или мое?

– Полагаю, будет лучше, если каждый из нас останется при своем, – сказал Ричер.

– Согласен, – сказал полицейский. – Давай постараемся сделать так, чтобы никто ни о чем не пожалел.

– И все же я бы хотел знать.

– Ты возвращаешься туда, откуда прибыл, – ответил полицейский. – Сегодня тебе предъявят обвинение. Но сначала ты проведешь тридцать минут со своим адвокатом. Так что надевай обычную одежду. Ты невиновен до тех пор, пока не доказано обратное, и должен выглядеть соответствующим образом. Мы же не хотим нарушать конституцию. Или еще что-нибудь в таком же роде. Говорят, тюремная роба производит негативное впечатление на присяжных. Судебная система. В чистом виде.

Он вывел Ричера из камеры, и тот теми же короткими шажками, под негромкое позвякивание цепочки, двинулся по коридору. Затем к ним подошли двое полицейских штата для сопровождения, одна команда передала Джека другой, и его повели к серому тюремному автобусу, такому же, как тот, в котором он приехал. Его заставили пройти между сиденьями и посадили на заднюю скамью. Один из полицейских сопровождения сел за руль, другой с дробовиком на коленях устроился неподалеку от Ричера.

Они вернулись по тому же маршруту, что Джек проделал ранее в обратном направлении менее двенадцати часов назад. Каждый ярд того же шоссе. Полицейские болтали почти всю дорогу, и Ричер сумел подслушать часть их разговора. Тут все зависело от работы двигателя. Некоторые слова терялись, но он достаточно узнал про громилу, которого кто-то сбил с ног сегодня утром во дворе для прогулок. Пока виновного отыскать не удалось. И никто ничего не понимал. До первых слушаний по условно-досрочному освобождению этого заключенного оставалось менее месяца. Зачем он устроил драку? А если не он ее затеял, то кто мог решиться с ним связаться? Кто мог бросить ему вызов, одержать победу и затащить в маленький двор в качестве трофея?

Полицейские качали головами.

Ричер молчал.

Они потратили на обратный путь такое же время, чуть меньше двух часов, потому что движения, которое могло бы повлиять на скорость, практически не было; она зависела лишь от двигателя, работавшего на малых оборотах, и коробки передач со слишком небольшой разницей скоростей, что выгодно в городе, где постоянно приходится останавливаться и снова стартовать, и неудобно на открытых участках дороги. В конце концов они заехали на знакомую Ричеру парковку, остановились рядом с разбитым синим внедорожником, и Джека провели между сиденьями в автобусе к той самой железобетонной двери, из которой вывели накануне. В вестибюле с запертыми с двух сторон дверями с него сняли наручники, ножные кандалы и цепи и передали комитету по организации встреч, состоявшему из двух человек.

Одним из них был детектив Буш.

Вторым – общественный защитник Кэти Кларк.

Сопровождавшие его полицейские развернулись и быстро ушли. Они явно торопились вернуться в автобус, чтобы тот не простаивал зря. Судя по всему, им сегодня предстояло еще многое сделать. Возможно, так и было. Или они хотели получить дополнительное время для неспешного ланча. Может быть, знали место, где хорошо кормят.

Ричер остался наедине с Бушем и адвокатом.

Всего на секунду.

«Должно быть, вы меня разыгрываете», – подумал Джек.

Он ткнул Буша в грудь – всего лишь вежливое предупреждение в область солнечного сплетения, словно хотел его разбудить, но достаточно чувствительно, чтобы вызвать паралич ближайших мышц, не причиняя серьезной боли в других местах. Потом засунул руку в карман Буша, вытащил ключи от машины, убрал их в свой карман и легонько, соблюдая осторожность, снова толкнул Буша в грудь – чтобы тот лишь отступил на пару шагов.

К адвокату Ричер прикосаться не стал. Он просто протиснулся мимо нее и, высоко подняв голову, уверенно зашагал вперед по узким коридорам с низким потолком, пока не вышел через входную дверь наружу. И сразу направился к машине Буша, стоявшей на месте Д-2. «Краун Виктория». Потрепанный автомобиль, однако в приличном состоянии, чистый, но не сверкающий. Двигатель завелся сразу. Он все еще оставался прогретым. Полицейские штата уже прошли половину пути до тюремного автобуса. Они не оглядывались.

Ричер выехал с парковки как раз в тот момент, когда первые *черт возьми, подождите минутку* лица стали появляться в окнах и дверях. Он свернул направо и налево, потом снова налево, на случайных улицах, стараясь выехать на ту, что являлась центральной. Первая патрульная машина отставала от него на целых две минуты. Она стартовала от самого полицейского участка. Позор. Остальные выехали еще позже. Это были далеко не лучшие пять минут в жизни окружного полицейского департамента.

Они его не нашли.

* * *

Ричер позвонил из телефона-автомата перед самым ланчем. В городе их все еще оставалось довольно много. Сотовые работали плохо. У Ричера были четвертаки, которые он нашел под столиком в кафе. Там их всегда оказывается достаточно, чтобы сделать звонок, во всяком случае, местный. Он узнал номер с визитки, приколотой за кассой дешевого магазинчика, одной из многих, словно вместе они создавали оборонительный щит. Визитка принадлежала детективу Рэмси Аарону, из полицейского департамента округа. Там имелся номер телефона и адрес электронной почты. Может быть, какая-то местная программа. Современная полиция постоянно ищет что-то новое.

Очевидно, это был номер телефона, стоявшего на письменном столе Аарона, потому что тот взял трубку после первого гудка.

– Аарон, – сказал он.

– Ричер, – сообщил Ричер.

– Почему ты мне звонишь?

– Чтобы сказать две вещи.

– Но почему именно мне?

– Потому что ты можешь меня выслушать.

– Где ты?

– Далеко от города. Ты меня никогда больше не увидишь. Боюсь, твое подразделение сильно тебя подставило.

– Тебе следует сдать ся.

– И это первое, что я хотел сказать, – продолжал Ричер. – Мы должны прояснить данный вопрос с самого начала: я не собираюсь сдаваться. Или мы потратим много сил на бесполезные разговоры. Тебе меня не найти. Так что даже не пытайся и с достоинством прими поражение. Лучше потратить время на вторую вещь, о которой я собирался рассказать.

– Это ты выступил в тюрьме? С тем парнем, которого должны были выпустить по УДО?

– А что он вообще делал в тюрьме?

– Итак, что еще ты хотел мне сообщить?

– Тебе следует выяснить, кто та девушка с сумкой и парень в толстовке. Имена и истории. И что именно находилось в сумке.

– Почему?

– Потому что до того, как ты мне это сообщишь, я сам тебе все расскажу. И когда ты поймешь, что я прав, то будешь слушать более внимательно.

– И кто же они?

– Я позвоню позже, – сказал Ричер.

* * *

Он находился в кафе в соседнем квартале. Там, откуда ему принесли ланч и обед. В самом безопасном месте посреди разразившейся паники. Никто не видел его здесь раньше. Никто из копов не зайдет выпить кофе. Во всяком случае, сейчас. Полицейский участок стал эпицентром урагана, и все патрульные машины в ближайших кварталах уносились прочь, чтобы начать поиски в каком-нибудь удаленном месте, или резко тормозили у участка в полнейшем разочаровании после бесплодных скитаний по окрестностям. Иными словами, вокруг развязалась настоящая драма эмоций, но никто не выглядывал из окон машин, когда оказывался рядом с участком.

Телефон висел на стене в коридоре в задней части кафе, справа и слева от него находились туалеты, в конце – пожарный выход. Ричер повесил трубку и вернулся к столу. Он был одним из шести посетителей, которые в одиночестве сидели в тени. Никто не обращал на него внимания, и Ричер решил, что сюда частенько заходят случайные люди. Во всяком случае, он ни у кого не вызывал удивления.

На стенах, рядом с другими артефактами прошлых эпох, висели старые фотографии. В городе процветал бизнес, связанный с древесиной, и здесь рождались солидные состояния. В течение последней сотни лет сюда постоянно приезжали и уезжали самые разные люди; они перевозили дерево и продавали инструменты, всякий раз потешаясь над ценами.

Возможно, какая-то часть городских фабрик все еще работала. Одинокие лесопилки – там и тут. Может быть, какие-то люди продолжали появляться в городе. Не слишком много, но достаточно. Так или иначе, но никто не пялился на посетителей кафе. Никто не прятался за газетой, чтобы незаметно позвонить в полицию.

Ричер ждал.

* * *

Он позвонил еще раз, когда прошло случайное количество минут после следующего часа, прикрыв рот ладонью, чтобы фоновый шум не показался Аарону таким же, как в первый раз. Джек хотел, чтобы копы думали, будто он постоянно находится в движении. Если они сообразят, что он остается в одном и том же месте, и спросят у себя, где именно он может находиться, Аарон, который достаточно умен, чтобы найти ответ на этот вопрос, может войти в кафе и сесть на соседний стул.

Трубку подняли после первого звонка.

– Аарон, – сказал Аарон.

– Ты должен задать себе вопрос о транспортировке, – сказал Ричер. – Шестеро парней отвезли меня вчера в Уоррен. Но только двое сегодня утром сопровождали обратно. Шесть парней сразу – слишком много сверхурочных за один вечер. Излишество, как сказали бы некоторые, всего для одного арестованного, в автобусе. В особенности когда идет сокращение бюджета. Почему они так поступили?

– Ты был неизвестным фактором. Береженого бог бережет.

– Тогда почему меня не встречало шесть парней утром? За прошедшую ночь никто не узнал меня лучше.

– Я уверен, что ты объяснишь мне, почему так произошло, – сказал Аарон.

– Есть две возможности. Но едва ли они могут соперничать. Пожалуй, они связаны между собой.

– Выкладывай.

– Они очень хотели, чтобы я оказался там вчера вечером. Это было важно. И меня туда отвезли. Мой адвокат выдвинула разумное требование. Они отказали. Заявили, что меня необходимо отвезти в тюрьму и потом вернуть обратно, но лишь потратили бензин и человеко-часы. Они отправили со мной шесть человек, чтобы благополучно доставить в тюрьму.

– И?..

– Они не рассчитывали, что сегодня утром меня придется везти обратно. Поэтому не подготовили сопровождение, и им пришлось отправить со мной всего двух парней, у которых было множество других дел.

– В твоих словах нет ни малейшего смысла. Все знали, что ты вернешься сюда сегодня утром. Для предъявления обвинений. Стандартная процедура. Это всем известно.

– Тогда из-за чего произошла драка?

– Понятия не имею.

– В их планы не входило, чтобы я вернулся сюда сегодня.

– Но по закону тебя следовало привезти к нам сегодня утром.

– Если только я не буду лежать в коме в больнице. Или в морге. При обычных обстоятельствах это считалось бы неожиданным поворотом событий. Но они заранее знали, что будет, и не подготовили людей для моего возвращения сюда.

Аарон немного помолчал.

– Так это был ты в тюрьме, – после паузы сказал он.

– Тот парень меня даже не знал. Наши пути никогда не пересекались. Однако он сразу направился ко мне, когда его друзья организовали драку в другом конце двора. Его собирались условно-досрочно освободить. Думаю, в свое время его арестовал Дилейни. Я прав?

– Да, прав.

– Значит, они заключили сделку. Если громила обо мне позаботится, не привлекая лишнего внимания, Дилейни поручится за него на предстоящих слушаниях. Он скажет, что парень исправился. Кому знать это лучше, чем арестовавшему его офицеру? Многие считают, что между детективом и преступником в таких случаях возникает мистическая связь. Комиссии по условно-досрочному освобождению любят такое дерьмо. И парень вышел бы на свободу. Вот только он не выполнил условия сделки, поскольку недооценил своего противника. Вероятно, его плохо подготовили.

– Ты признаешься в тяжком уголовном преступлении.

– Вы никогда меня не найдете. Завтра я буду в Калифорнии.

– Скажи мне, кто та девушка, – попросил Аарон. – И парень в толстовке. Покажи, что понимаешь, о чем говоришь.

– Парень и девушка – подставные фигуры. Их шантажом заставили принять в этом участие. Вероятно, девушку недавно арестовали. Может быть, во второй раз. Или в первый. Кто-то из управления по борьбе с наркотиками штата. Точнее, Дилейни. Она думает, что он еще не решил, стоит ли закрыть заведенное дело. От нее ничего особенного не требовалось – только принести на площадь сумку. Аналогичную сделку предложили парню, пообещав забыть о его аресте. И он сможет вернуться в Йель, или Гарвард, или куда-то еще с незапятнанной репутацией. Папочка ничего не узнает. Ему сказали, что он должен немного пробежаться и отобрать у девушки сумку. Парень и девушка незнакомы друг с другом. Они проходили по разным делам. Пока я прав?

– Что находилось в сумке? – спросил Аарон.

– Я уверен, в официальном отчете будет написано, что это был метамфетамин, оксиконтин или деньги. Одно или другое. Доставка или платеж.

– Деньги, – сказал Аарон. – Это был платеж.

– Сколько?

– Тридцать тысяч долларов.

– Вот только там их не было. Подумай об этом. Что объединяет меня с парнем и девушкой и в чем я от них категорически отличаюсь?

– Уверен, ты сам мне расскажешь.

– Три человека дадут показания о том, что с самого начала сумка была пустой. Девушка и парень – потому что она побывала у них в руках и была, как они знали, легкой, будто перышко, а потом и я – ведь она пролетела по воздуху в ярде от моего лица, и я видел, что в ней ничего нет. Это не вызывало сомнений.

– И чем ты от них отличаешься?

– Дилейни контролировал парня и девушку. Однако он не контролировал меня. Я – темная лошадка, заявившая, что сумка была пустой. Он сам слышал мои показания. На записи. Вот на что он отреагировал. Он не мог допустить, чтобы я повторил эти слова. Больше никто не должен был знать, что в сумке ничего не лежало. Это могло разрушить все. Поэтому он стер запись, а потом попытался стереть меня.

– Ты опережаешь события.

– Вот почему он спросил, как со мной связаться, и обнаружил, что может отправить меня на кладбище и никто ничего не узнает.

– Все это лишь допущения.

– Все это работает только в одном случае: Дилейни украл тридцать тысяч. Он знал, что деньги должны появиться. Он работает на Управление по борьбе с наркотиками и решил, что сможет оставить их себе, если организует несчастный случай. Такое ведь бывает, не так ли? Дом сгорел, а все деньги лежали в диване. Это операционный убыток. Ошибка округления. Цена за ведение бизнеса с подобными типами. Они не верят своим матерям, но знают, что всякое случается. Однажды я прочитал в газетах, что один парень потерял почти миллион долларов, который хранил в подвале, из-за того, что его съели мыши. Дилейни решил, что сможет выйти сухим из воды и ему даже ноги не сломают. Ему требовалось только сохранять лицо и стоять на своем.

– Подожди, – сказал Аарон. – Все это не имеет никакого смысла.

– Если только...

– Смешно.

– Скажи вслух. И посмотри, насколько смешно получится.

– Все это не имеет ни малейшего смысла, потому что... ладно, Дилейни мог знать, что ожидается платеж в тридцать тысяч долларов, но как он рассчитывал до них добраться? Как мог выбрать курьера, который понесет деньги в сумке? И когда, где и по какому маршруту?

– Если только, – повторил Ричер.

– Это безумие.

– Скажи вслух.

– Если только Дилейни не перешел на темную сторону.

– Не прячься за красивыми выражениями. Скажи это вслух.

– Если только сам Дилейни не является одним из звеньев цепи.

– И все еще слишком красиво.

– Если только Дилейни сам не является торговцем наркотиками, совмещая это с работой на Управление по борьбе с ними.

– Тридцать тысяч – вполне подходящая сумма для франшизы. Для такого дилера, как он. Она не столь велика, но ее нельзя назвать незначительной. Средний размер со сравнительно цивилизованной клиентурой. Работа легкая. Положение позволяет без особых усилий решать правовые проблемы и вести достойный образ жизни. Он получает гораздо больше, чем ему причиталось бы при выходе на пенсию. Все шло хорошо. Однако он стал жертвой жадности и решил оставить все деньги себе. Он собирался лишь сделать вид, что передает долю своего босса, сумка с самого начала была пустой. Но Дилейни рассчитывал,

что никто ничего не узнает. В полицейском отчете будет написано, что пропало тридцать тысяч. Показания свидетелей подтвердят, что произошло случайное ограбление, и его босс спишет их как сопутствующие потери. Может быть, Дилейни планировал делать так раз в год. Случайным образом. В качестве небольшого дополнительного дохода.

– И все равно не имеет смысла, – сказал Аарон. – Почему сумка должна была быть пустой? Он мог положить туда нарезанную газету.

– Я так не думаю, – сказал Ричер. – Предположим, парень не смог бы все сделать правильно. Или просто испугался бы. Девушка прошла бы весь путь до конца, и сумку получили бы те, кому она предназначалась. Дилейни было бы нелегко объяснить, почему там вместо денег лежит нарезанная газета. Подобные ситуации быстро портят отношения. Ну а пустую сумку можно списать на разведку и проверку. Порожня ходка, проверка слежки. Избыточная осторожность. Плохие парни не стали бы жаловаться. Возможно, они были готовы к такому повороту событий. Нечто вроде соревнования на звание работника месяца.

Аарон ничего не ответил.

– Скоро я снова позвоню, – сказал Ричер и повесил трубку.

* * *

На этот раз Ричер поменял место. Он вышел из кафе через заднюю дверь, свернул за угол и нырнул в переулок, отделявший магазин от когда-то элегантного мебельного выставочного зала. И увидел телефон на внутренней стене магазина, продававшего шины. Может быть, с него вызывали такси те, кто не нашел здесь нужных шин.

Джек отступил к дверному проему и стал ждать. Полицейский участок находился в двух кварталах. Ричер слышал, как подъезжают и уезжают патрульные машины. Быстрота и срочность. Он решил, что у него есть еще тридцать минут, вошел в магазин и направился к висевшему на стене телефону, но не успел подойти к нему, как из-за угла здания появился мужчина. Оттуда, где покупатели ждали свои машины, сидя на разнокалиберных стульях рядом с платным кофейным автоматом. У мужчины была очень короткая стрижка, поверх клетчатой рубашки он надел синий спортивный пиджак, и еще Ричер обратил внимание на хлопчатобумажные брюки цвета хаки.

В руке мужчина держал «Глок».

Из наплечной кобуры.

Дилейни.

Он навел пистолет на Ричера и сказал:

– Стой.

Джек остановился.

– Ты не так умен, как тебе кажется, – заявил Дилейни.

Ричер не ответил.

– Ты был в полицейском участке и видел, что там все по минимуму. И рискнул, полагая, что они не сумеют отследить звонок с телефона-автомата. Поэтому говорил столько, сколько хотел.

– И я был прав?

– Округу такое не по силам. Но только не штату. Я знал, где ты находился. С самого начала. Ты совершил ошибку.

– Теоретически такая возможность существует всегда.

– Ты совершал одну ошибку за другой.

– В самом деле? Подумай хотя бы минутку. Сначала я сказал тебе, где нахожусь, а потом дал время сюда добраться. Мне пришлось ждать несколько часов. Впрочем, не имеет значения. Ты пришел. Наконец. Может быть, я именно так умен, как думаю.

– Ты хотел меня видеть?

– Лицом к лицу всегда лучше.

– Ты же знаешь, что я тебя пристрелю.

– Но не сейчас. Сначала тебе нужно узнать, что я сказал Аарону. Потому что я рискнул еще раз. Я пришел к выводу, что ты сумеешь определить, где находится телефон, но не сможешь организовать прослушивание. Во всяком случае, не сразу и не в любом месте штата. Без ордера и разрешения судьи. У тебя не настолько широкие возможности. Пока. Поэтому ты знал про звонок, но не слышал сам разговор. А теперь ты хочешь понять, как минимизировать ущерб, и надеешься, что особых усилий не потребуется. И все пройдет легко. Потому что избавиться от Аарона будет намного труднее, чем от меня. И ты бы предпочел обойтись без этого. Но тебе необходимо знать.

– Ну?

– Давай немного поговорим о том, как работает окружная полиция. Я в безопасности до тех пор, пока говорю. Их возможности ограничены, но все же не на уровне каменного века. Во всяком случае, не вызывает сомнений, что они могут засечь, откуда им звонили, после окончания разговора и выяснить, кому принадлежит телефон. Возможно, номер им знаком. Мне известно, что они периодически звонят в это кафе.

– И что дальше?

– Дальше? Полагаю, Аарон уже давно понял, где я нахожусь. Но он умный человек. Он знает, почему я тут выступаю. И ему известно, сколько времени требуется, чтобы приехать сюда из Бангора. Поэтому он сидит, ждет в течение часа или двух и смотрит, кто выйдет из леса. Почему нет? Что он теряет? Что может произойти хуже того, чем то, что уже произошло? И тут появляешься ты – моя безумная теория подтвердилась.

– Ты хочешь сказать, что рассчитываешь на подкрепление? Я никого не вижу.

– Аарон знал, что я звонил из кафе. А теперь ему известно, что я в квартале или двух от него. Я уверен, что он уже выяснил, где находятся телефоны-автоматы. Думаю, он наблюдает за нами прямо сейчас. Скорее всего, задействована вся его команда. Много людей. Здесь не только мы с тобой, Дилейни. Поблизости полно полицейских.

– И что же это? Бредовая операция по психологическому воздействию на противника?

– Все так, как ты сказал. Я рискнул. Аарон – умный человек. Он мог арестовать меня пару часов назад. Но он этого не сделал. Потому что хотел знать, что произойдет дальше. Он наблюдает за мной уже несколько часов. В том числе прямо сейчас. Или нет. Нельзя исключать, что на самом деле он глуп. Вот только кажется ли он тебе дураком? Это риск. Я должен был рассказать все лично, потому что я умный. Вот мой профессиональный совет: закрой рот и ложись на землю. Со всех сторон свидетели.

Дилейни посмотрел налево, на заднюю часть магазина, где продавали шины, потом направо, на старый выставочный зал. И вперед, в сторону узкого переулка, который их разделял. Окна и двери со всех сторон, и тени.

– Здесь никого нет, – сказал Дилейни.

– Есть только один способ удостовериться, – ответил Ричер.

– Интересно, какой?

– Отступить к одному из окон и посмотреть, схватит ли тебя кто-нибудь.

– Я не стану этого делать.

– Почему? Ты же сам сказал, что здесь никого нет.

Дилейни не ответил.

– Пришло время голосовать, – сказал Джек. – Итак, умен или глуп Аарон?

– Он увидит, что я стреляю в сбежавшего преступника. И не имеет значения, умен он или глуп. Если он сможет правильно написать мою фамилию, я получу медаль.

– Я не беглый преступник. Аарон отправил Буша и адвоката встретить меня. Это было приглашение. Никто меня не преследовал. Он хотел, чтобы я сбежал. Аарон решил забросить наживку.

Дилейни сделал небольшую паузу. Посмотрел налево. Потом направо.

– Ты полон дерьма.

– Теоретически такая возможность есть всегда.

Ричер больше ничего не говорил. Дилейни огляделся по сторонам – старая кирпичная кладка, начавшая подгнивать от сажи и дождей. Дверные проемы. И окна. Одни с целыми стеклами, другие разбитые, третьи и вовсе зияли пустыми глазницами, лишившись даже рам.

Одно из таких окон находилось в старом выставочном зале. На высоте груди, над троуаром. Примерно в девяти футах от них. Немного позади левого плеча Дилейни. Классическое положение. Оно очень понравилось бы пехоте. Оттуда отлично просматривался весь квартал.

Дилейни обернулся, посмотрел на окно – и стал отступать, точно краб, продолжая держать Ричера на прицеле, но постоянно оглядываясь через плечо. Он подошел почти вплотную, преодолел последнюю часть дистанции по диагонали, отклоняясь назад, одновременно пытаясь не выпустить из поля зрения Джека и заглянуть внутрь. Встал у окна, продолжая смотреть на Ричера. И сделал шаг назад. Оглянулся через плечо, налево, потом направо. И ничего не увидел.

Тогда он развернулся, быстро, словно собирался тут же занять прежнее положение, на секунду оказался лицом к зданию, приподнялся на цыпочки и уперся ладонями в подоконник, положив на него руку с «Глоком», застыв на мгновение в неудобном положении, потом вытянул голову вперед, чтобы как следует рассмотреть, что находится внутри.

Длинная рука сжала его шею и потянула внутрь. Вторая схватила кисть с пистолетом. Третья вцепилась в воротник пиджака и затащила в темноту.

* * *

Ричер ждал в кафе с кофе и пирогом, за которые заплатил полицейский департамент округа. Через два часа за ним зашел полицейский в форме и отвез в Уоррен, чтобы Джек забрал конверт цвета хаки, где лежало все его имущество – паспорт, банковская карточка, зубная щетка, семьдесят долларов и семьдесят пять центов четвертаками, а также шнурки. Парень отчитался за все и протянул вещи Ричеру.

– Они нашли тридцать тысяч, – сказал он. – Дома у Дилейни, в холодильнике, завернутые в фольгу с надписью «Бифштекс».

Потом молодой полицейский ушел, а Джек завязал шнурки. Затем рассовал все по карманам, допил кофе и встал, собираясь уйти.

В кафе вошел Аарон.

– Уходишь? – спросил детектив.

Ричер сказал, что да, уходит.

– И куда поправишься?

Ричер сказал, что понятия не имеет.

– Ты подпишешь свидетельские показания?

Ричер сказал, что не подпишет.

– Даже если я тебя вежливо попрошу?

Ричер сказал, что нет, даже и в этом случае.

– А что бы ты стал делать, если б я не поставил своих людей за тем окном? – спросил Аарон.

– К этому моменту он уже начал нервничать, – ответил Ричер. – Он был готов совершать ошибки. У меня обязательно возникли бы дополнительные возможности. Не сомневаюсь, я что-нибудь придумал бы.

– Иными словами, у тебя не было никакого плана. Ты все поставил на то, что я хороший полицейский.

– Только не надо делать из мухи слона, – сказал Ричер. – Если честно, я пришел к выводу, что в лучшем случае это пятьдесят на пятьдесят.

Он вышел из кафе и зашагал из города, к перекрестку, где ему пришлось сделать выбор: направо или налево, по дороге округа, на север или на юг, в Канаду или Нью-Гемпшир. Ричер выбрал Нью-Гемпшир, остановился и поднял вверх большой палец. Через восемь минут он сидел в «Субару» и слушал, как водитель рассказывает ему о таблетках, которые он принимает, чтобы избавиться от боли в спине. Ничего лучше просто не найти. Замечательное средство, сказал парень.

Второй сын

1

В жаркий августовский четверг 1974 года пожилой человек в Париже сделал то, чего никогда не делал прежде: проснулся, но не встал с постели. Он не смог. Его звали Лоран Мутье, вот уже десять дней он чувствовал себя паршиво, а последние семь – совсем плохо. Руки и ноги казались тонкими и слабыми, а грудь будто наполнял застывший бетон. Мутье знал, что происходит. По профессии он был мастером по ремонту мебели и теперь превратился в один из предметов, которые ему приносили клиенты: прогнившая и безнадежно слабая фамильная собственность. С ним не случилось ничего конкретного. Просто все сразу перестало функционировать. И ничего тут не поделаешь. Приближалось неизбежное. Поэтому Мутье терпеливо лежал, хрипло дышал и ждал домработницу.

Она пришла в десять часов и не выказала особого удивления. Большинство ее клиентов были старыми людьми, они периодически умирали, и у нее появлялись новые. Она позвонила врачу и в какой-то момент ответила на вопрос о его возрасте – Мутье отчетливо услышал, как она сказала: девяносто, покорно и в то же время удовлетворенно, что очень о многом говорило, словно в одном слове помещался целый абзац. И он вдруг вспомнил, как стоял в своей мастерской, вдыхая пыль, клей и лак и глядя на какой-нибудь жуткий рассыпающийся шкафчик. «Ну давайте посмотрим», – говорил он, хотя уже мысленно решил от него избавиться.

Врач обещал прийти во второй половине дня, но, словно для того, чтобы подтвердить невысказанный диагноз, домработница спросила про записную книжку, чтобы связаться с его семьей. У Мутье была записная книжка, однако вся его семья теперь состояла из единственной дочери, Жозефины. Впрочем, ее одной хватило, чтобы занять большую часть записной книжки, потому что она часто переезжала. Одну страницу за другой заполняли перечеркнутые номера почтовых ящиков и длинные необычные номера иностранных телефонов. Домработница набрала последний из них и услышала гудок и эхо огромных расстояний, а потом голос, заговоривший по-английски, на языке, которого она не понимала, поэтому ей пришлось просто повесить трубку. Мутье видел, что женщина некоторое время пребывала в сомнениях, но потом, словно для того, чтобы еще раз подтвердить диагноз, отправилась на поиски вышедшего на пенсию учителя, который жил двумя этажами ниже. Мутье считал тихого старика полнейшим кретином, но нужен ли настоящий знаток языка, чтобы перевести *ton père va mourir* – *ваш отец умирает?*

Домработница вернулась с учителем, оба запыхались и покраснелись после подъема по лестнице, после чего мужчина набрал длинный номер и попросил позвать к телефону Жозефину Мутье.

– Нет, *Ричер*, идиот, – хотел прореветь Мутье, но его голос прозвучал как хрипая туберкулезная мольба. – Ее фамилия по мужу Ричер. Они не знают, кто такая Жозефина Мутье.

Учитель извинился и попросил подойти Жозефину Ричер, выслушал ответ, потом прикрыл микрофон ладонью и посмотрел на Мутье.

– Как зовут ее мужа? – спросил учитель. – Вашего зятя.

– Стэн, – ответил Мутье. – Не Стэнли. Просто Стэн. Стэн, именно так написано в его свидетельстве о рождении. Я видел. Капитан Стэн Ричер, служит в морской пехоте армии США.

Учитель передал информацию, выслушал ответ и повесил трубку.

– Они недавно уехали, – сказал он, повернувшись к Мутье. – Судя по всему, несколько дней назад. Вся семья. Капитана Ричера перевели на новое место службы.

2

Вышедший на пенсию парижский учитель разговаривал с дежурным лейтенантом на военно-морской базе в Гуаме, расположенной в Тихом океане, где Стэн Ричер прослужил три месяца в отделении связи морской пехоты. Приятное место осталось позади, и его перевели на Окинаву. Семья последовала за ним три дня спустя, на пассажирском самолете, летевшем через Манилу, – его жена Жозефина и двое сыновей, пятнадцатилетний Джо и тринадцатилетний Джек.

Жозефина Ричер была яркой, живой и энергичной женщиной и в свои сорок четыре года все еще сохраняла интерес к окружающему миру, радовалась, что ей удастся увидеть так много нового, и все еще терпимо относилась к бесконечным переездам и неудобному жилью. В пятнадцать лет рост Джо Ричера уже немного превышал метр восемьдесят, вес – девяносто килограммов, и рядом с матерью он казался гигантом, но оставался спокойным, любил науку и очень напоминал Кларка Кента, пока тот еще не стал суперменом.

Джек Ричер в тринадцать лет выглядел как рисунок инженера на салфетке для чего-то большего и амбициозного, а его огромный скелет напоминал леса, за которыми скрывается грандиозный строительный объект. Еще несколько сантиметров, и последние сорок килограммов плоти довершат строительство, но сейчас оно все еще продолжалось. У него были длинные руки и настороженные глаза. Такой же спокойный, как брат, он любил науку гораздо меньше. В отличие от Джо, его всегда называли по фамилии. Никто не знал почему, но его семья состояла из Стэна, Жози, Джо и Ричера, и так было всегда.

Стэн встретил семью у самолета, приземлившегося на авиационной базе морской пехоты Футенма. Они взяли такси и поехали в бунгало, которое Стэн нашел в полумиле от пляжа. Внутри было жарко и душно, окна выходили на узкую забетонированную улицу с канавами по обеим сторонам, совершенно прямую, с небольшими домиками, стоявшими плотно друг к другу, а в самом ее конце виднелось синее пятно океана. К этому моменту семья успела пожить в сорока разных местах, и процесс переезда стал для них привычным делом. Мальчики нашли вторую спальню, и теперь им предстояло самим решить, нуждается ли она в уборке. Если они видели необходимость, то занимались ею самостоятельно, если нет, все оставалось без изменения. В данном случае, как и почти всегда, Джо нашел повод для беспокойства, Ричер – нет. Поэтому он предоставил Джо заниматься уборкой, сам же отправился на кухню, где сначала выпил воды, а потом узнал плохие новости.

3

Родители Ричера стояли рядом у кухонной стойки и изучали письмо, привезенное матерью из Гуама. Ричер видел конверт. Письмо имело какое-то отношение к системе образования.

– Вам с Джо придется написать тест, прежде чем вы начнете учиться в местной школе, – сказала мать.

– Почему? – спросил Ричер.

– Им нужно выяснить, в какой класс посадить каждого из вас, – сказал отец. – Они хотят понять, насколько далеко вы продвинулись.

– Скажите им, что у нас всё в порядке. Скажите спасибо, но нет, ничего не нужно.

– За что?

- Меня вполне устраивает тот класс, в котором я сейчас. И мне не нужно никуда пере-
скакивать. И Джо думает так же.
- По-твоему, речь идет о том, чтобы пропустить класс?
- А разве нет?
- Нет, речь о том, чтобы перевести тебя на класс назад.
- С какой стати?
- Новая политика, – сказала мать. – Ваше образование слишком фрагментарно. Им
нужно проверить, готовы ли вы двигаться дальше.
- Но раньше с нами так не поступали.
- Они называют это *новой политикой*. Как нечто противоположное старой.
- Они хотят, чтобы Джо писал тест? Им требуются доказательства, что он готов к учебе
в следующем классе? Он сойдет с ума.
- С ним все будет в порядке. Он хорошо пишет тесты.
- Дело не в этом, мама. Ты же знаешь, какой он. Он почувствует себя оскорбленным.
И решит, что должен получить сто процентов. Или сто десять. Он сведет себя с ума.
- Никто не в состоянии показать результат в сто десять процентов. Это невозможно.
- Вот именно. У него голова взорвется.
- А ты?
- Я? Со мной все будет хорошо.
- Ты будешь стараться?
- А сколько нужно набрать, чтобы сдать тест?
- Наверное, пятьдесят процентов.
- Тогда моя цель – пятьдесят один процент. Нет смысла напрасно тратить силы. Когда
будет тест?
- Через три дня. Перед началом семестра.
- Просто безобразие, – сказал Ричер. – Что за система образования такая, если ей неиз-
вестно значение слова *каникулы*?

4

Ричер вышел на забетонированную улицу и посмотрел на пятнышко океана, виднев-
шееся впереди. Восточно-Китайское море, а не Тихий океан. Тихий океан находился с про-
тивоположной стороны. Окинава – один из островов группы Рюкю, которая разделяла море
и океан.

Между Ричером и морем находилось примерно сорок домов, стоявших по левую сто-
рону улицы, и еще сорок по правую. Он решил, что дома, расположенные ближе к нему и
дальше от моря, принадлежат поселившимся за пределами гарнизона семьям морских пехо-
тинцев, а дома дальше от него и ближе к воде заняты японскими семьями, живущими здесь
постоянно. Он знал, как работают законы недвижимости. *Это лишь ступени к пляжу*. Люди
соперничают за такие места, и военные обычно позволяют местным жителям получить луч-
шее.

Министерство обороны США всегда тревожилось из-за разногласий, которые могли
возникнуть между военными и местными жителями. В особенности на Окинаве. Военно-
морская база находилась в самом центре Гинована, довольно большого города. Всякий раз,
когда взлетал транспортный самолет, уроки в школах приходилось прерывать на минуту или
две из-за шума.

Ричер повернулся спиной к Восточно-Китайскому морю и пошел в сторону материка,
мимо одинаковых маленьких домиков, миновал перекресток – улицы пересекались под иде-
альными прямыми углами, дальше шли точно такие же дома. Их построили быстро и без

особых затрат, но содержали в хорошем состоянии. За домиками тщательно ухаживали. На крылечках некоторых Ричер видел маленьких, похожих на кукол местных леди. Он вежливо кивал им, но они отворачивались. Ричер нигде не заметил японских детей и подумал, что, возможно, они в школе. Может быть, их учебный год уже начался. Он повернул обратно и через сотню ярдов обнаружил на улице искавшего его Джо.

– Родители сказали тебе про тесты? – спросил Джо.

Ричер кивнул.

– Но это не проблема.

– Мы должны их сдать.

– Естественно, мы сдадим.

– Нет, я хочу сказать, что мы должны сдать их с блеском. Показать высокие результаты.

Самые лучшие.

– Зачем?

– Они пытаются нас унижить, Ричер.

– Нас? Да они нас даже не знают.

– Таких людей, как мы. Тысячи таких, как мы. А мы должны унижить их в ответ. Мы должны привести их в замешательство, чтобы им даже не приходили в головы подобные идеи. Мы просто обязаны уделывать их по полной.

– Я уверен, что так и будет. Едва ли тест будет трудным.

– Это новая политика, значит, и тест должен быть новым, – заявил Джо. – И там могут оказаться незнакомые вопросы.

– Например?

– Понятия не имею. Там может быть что угодно.

– Ну я постараюсь все сделать хорошо.

– А как у тебя с общими знаниями?

– Я знаю, что процент отбиваемых мячей у Микки Мэнтла³ был 0,303 десять лет назад. И 0,285 – пятнадцать лет назад. И 0,300 – двадцать лет назад. Это дает в среднем 0,296, что близко к среднему значению 0,298 за всю карьеру, а это уже серьезно.

– Они не станут спрашивать про Микки Мэнтла.

– Тогда о ком?

– Нам нужно узнать, – сказал Джо. – Прямо сейчас. Я считаю, что нам следует зайти в школу и спросить, что будет в тестах.

– Так не делают, – возразил Ричер. – Тебе не кажется, что это противоречит самой идее тестов?

– Но мы должны хотя бы выяснить, какую часть учебного плана они будут проверять.

– Речь пойдет о чтении и письме, сложении и вычитании. Может быть, даже делении, если нам повезет. Ты знаешь, как это устроено. Не волнуйся.

– Это оскорбление.

Ричер ничего не ответил.

5

Братья вместе пошли обратно, миновали перекресток и двинулись дальше по длинной забетонированной улице. Их новый дом находился впереди и слева. А еще дальше в лучах солнца блестела светло-синяя полоска моря. И белый песок. Может быть, пальмы. Между их домом и морем на улице они увидели детей. Все мальчики, американцы, белые и черные,

³ Микки Чарльз Мэнтл (1931–1995) – американский профессиональный бейсболист.

что-то около двух дюжин. Из семей морских пехотинцев. Соседи. Они собирались в группы возле своих домов, в дешевой части улицы, в тысяче шагов от пляжа.

- Давай посмотрим на Восточно-Китайское море, – предложил Ричер.
- Я его уже видел, – ответил Джо. – Ты тоже.
- Мы могли мерзнуть всю зиму в Корее.
- Мы только что были в Гуаме. Сколько пляжей нужно человеку?
- Столько, сколько человек может получить.
- Через три дня у нас тест.
- Совершенно верно. Поэтому нам не нужно беспокоиться о нем сейчас.

Джо вздохнул, и они пошли дальше, мимо собственного дома, в сторону синей полоски. Наконец их заметили. Мальчишки вставали с бордюрных камней, перешагивали через канавы и выходили на середину улицы. Они выстроились в некое подобие наконечника стрелы, направленной в сторону братьев, сложили руки на выпяченной вперед груди; некоторым было не больше десяти, другие казались на год или два старше Джо.

Добро пожаловать на район.

Впереди стоял здоровяк лет шестнадцати, с толстой шеей, меньше Джо, но крупнее Ричера, в футболке и потрепанных брюках цвета хаки. У него были мясистые руки с утопавшими в жире костяшками. Он стоял в пятнадцати футах от них и ждал.

- Их слишком много, – спокойно сказал Джо.
- Ричер не ответил.
- Не начинай, – сказал Джо. – Если потребуется, мы разберемся с ними потом.

Ричер улыбнулся.

- Ты хочешь сказать, после теста?
- Ты должен отнестись к тесту серьезно.

Они пошли дальше. Сорок разных мест. Сорок микрорайонов. Вот только начало знакомства всегда было одинаковым. Племенной строй, тестостерон, иерархия, все виды безумных инстинктов. Тесты совсем другого рода.

Джо и Ричер остановились в шести футах от здоровяка и стали ждать. У парня был фурункул на шее. И от него паршиво пахло.

- Вы тут новенькие, – сказал он.
- И как ты догадался? – спросил Джо.
- Вчера вас здесь не было.
- Выдающийся логический вывод. Ты никогда не подумывал о карьере в ФБР?

Здоровяк не стал отвечать. Ричер улыбнулся. Он решил, что может провести левый хук прямо в фурункул. Вероятно, это вызовет адскую боль.

- Вы идете на пляж? – спросил здоровяк.
- А там есть пляж? – спросил Джо.
- Ты знаешь, что там есть пляж.
- А ты знаешь, куда мы идем.
- Это платная дорога.
- Что? – спросил Джо.
- Ты слышал. Ты должен заплатить за проход.
- И сколько?
- Я еще не знаю, – сказал здоровяк. – Когда увижу, что у тебя есть, я решу, сколько взять.

Джо не ответил.

- Понятно? – спросил здоровяк.
- Совсем не понятно, – сказал Джо.
- Это потому, что у тебя задержка в развитии. У вас обоих. Мы всё знаем про вас. Вам придется сдать тест для умственно отсталых, потому что у вас проблемы с головой.

– Джо, – заговорил Ричер. – *Это* оскорбление.
– О, маленький тормоз умеет говорить? – осведомился здоровяк.
– Ты видел новую статую на площади в Лусоне? – спросил Джо.
– И что в ней интересного?
– Последний парень, который решил подраться с моим братом, похоронен под пьедесталом.

Здоровяк посмотрел на Ричера.

– Звучит не слишком приятно. Ты псих-тормоз?

– И что это значит? – спросил Ричер.

– Ну вроде психопата.

– То есть я считаю правильным то, что делаю, и не чувствую потом раскаяния?

– Вроде того.

– Тогда – да, я психопат, – сказал Ричер.

Тишина, если не считать шума ехавшего где-то мотоцикла. Потом двух. И трех мотоциклов. Далекий, но приближающийся шум. Здоровяк метнулся к перекрестку, и строй в форме наконечника стрелы распался. Дети вернулись на тротуары и в свои дворы. Мотоцикл притормозил, свернул на их улицу и медленно покатыл по ней. За рулем сидел морской пехотинец в камуфляжной форме. Без шлема. Сержант с военной базы, освободившийся после службы. За ним подъехали еще двое, один из них на большом «Харлее». Дисциплинированные отцы, возвращающиеся домой.

– Мы договорим в следующий раз, – сказал здоровяк с фурункулом.

– Будет осторожен в своих желаниях, – предупредил Джо.

Ричер ничего не сказал.

6

Стэн Ричер был по натуре спокойным человеком, а на четвертое утро после приезда на новую базу и вовсе молчал – оказалось, что ему предстояла нелегкая работа. В Соединенных Штатах президент сменился несколько раньше срока, поэтому собрали Объединенный комитет начальников штабов, чтобы представить новому командующему различные варианты для изучения. Стандартная практика. Начало работы новой администрации всюду одинаково. Даже для теоретически непредвиденных обстоятельств разработаны планы действия, но все их теперь следовало обновить.

Вьетнамская эпопея закончилась, в Корее возникла патовая ситуация, Япония стала союзником, отношения с Советским Союзом оставались неизменными, так что новым фокусом внимания становился Китай. Было очень много шума из-за возможной разрядки, но и приготовления к войне шли полным ходом. Китайцев рано или поздно придется побить, и Стэну Ричеру предстояло сыграть свою роль. Ему сообщили об этом на второе утро после приезда.

Он получил под свое командование четыре стрелковые роты и совершенно секретное досье, определявшее их миссию, которая состояла в том, чтобы стать наконечником огромного копья при высадке к северу от Ханчжоу, а потом прорваться по часовой стрелке к Шанхаю. Тяжелая задача. Предположительные потери выглядели пугающими. Однако они показались Стэну слишком пессимистичными. Он уже встретился со своими людьми, и они произвели на него впечатление. На Окинаве трудно избежать сравнения с призраками прошлого поколения морских пехотинцев, находившихся здесь тридцать лет назад, но нынешний урожай получился на редкость удачным. По-настоящему хорошим. Они все разделяли верность Стэна знаменитой старой поговорке: *Война состоит не в том, чтобы умереть за свою страну. Она в том, чтобы заставить других умирать за свою.*

Для пехоты все сводилось к простой арифметике. Если враг несет две потери на каждую твою, ты ведешь в счете. Если ты в состоянии увеличить число вражеских потерь до пяти, то побеждаешь. Восемь или десять – приз у тебя в кармане. Стэн чувствовал, что его парни способны легко добиться восьми или десяти.

Однако население Китая было огромным. И фанатичным. Они не станут отступать. Мужчины, потом мальчишки. И, наверное, женщины. Мальчишки не старше, чем его сыновья. Женщины как его жена. Он смотрел, как они едят, и представлял, что мужа и отца в тысячах миль отсюда делают то же самое. Коммунистическая армия без колебаний призывает на военную службу парней в возрасте Джо. И даже в возрасте Ричера, в особенности если подросток окажется таким же крупным. Потом женщин. И девушек. Нет, Стэн не был сентиментальным и сомневающимся человеком. Он пошлет пулю в любую голову и будет спать как ребенок. Но не вызывало сомнений, что наступили странные времена. Когда у тебя есть дети, ты начинаешь думать о будущем, но когда служишь в морской пехоте, будущее превращается в теорию, а не в факт.

У него не имелось определенных планов для сыновей. Он не был таким отцом. Но Стэн считал, что они станут военными. Что еще они знали? В таком случае интеллект Джо позволит ему оставаться в безопасности. Нет, и в передних рядах бывает много умных парней. Но Джо не боец. Он походил на ружье, сделанное без бойка. Физически вполне нормален, но спусковой крючок в голове отсутствует. Он напоминал ядерную пусковую установку с избыточным количеством предохранительных клапанов, реле и кнопок, которые следовало нажимать последовательно. Он слишком много думал. Процесс шел очень быстро, но любые задержки или колебания фатальны в начале драки. Даже на доли секунды. Поэтому Стэн считал, что рано или поздно Джо попадет в разведку и добьется там очень многого.

А вот его второй сын устроен совсем иначе. Парень будет огромным. Он станет одной восьмой тонны мышц. А это пугающая перспектива. Мальчишка множество раз приходил домой в крови и с синяками, но, насколько знал Стэн, не проиграл ни одной драки с того момента, как ему исполнилось пять. Возможно, он никогда не проигрывал драк. И у него отсутствовал спусковой крючок, но совсем не так, как у старшего брата. Джо постоянно стоял на предохранителе, а Ричер всегда настроен на автоматический огонь. Когда он вырастет, его будет не остановить. Сила природы. Для кого-то он станет настоящим кошмаром.

Однако парень никогда не начинал первым. Этому его на-учила мать, когда Ричер был совсем маленьким. Жози прекрасно разбиралась в таких вещах. Она объяснила сыну, что он никогда, никогда, никогда не должен начинать драку первым, но имеет полное право ответить, если его задирает кто-то другой. И на это стоило посмотреть. Умные прихватывают пистолет, когда предстоит драка с ножами. Ричер же приносил водородную бомбу.

Но парень умел думать. Нет, не так академично, как Джо, но природа наградила его практичностью. Вероятно, с таким же коэффициентом умственного развития, но это был ум «сделай-дело-правильно» знатока законов улиц, а не интеллект ради интеллекта. Да, конечно, Ричер любил факты, как и информацию, но только не теорию. Он принадлежал к реальному миру. Стэн не знал, какое будущее ждет его младшего сына. Понятия не имел, но не сомневался в одном – Ричер не поместится в танке или кабине самолета. Он станет заниматься чем-то другим.

Впрочем, будущее оставалось очень далеким для обоих. Они все еще были детьми. И его любимчиками. Стэн знал, что в данный момент горизонты Джо не простирались дальше начала следующего семестра, а у Ричера – дальше четвертой чашки кофе на завтрак. Именно в этот момент мальчишка встал и налил ее себе.

– Я собираюсь сходить сегодня в школу и узнать про предстоящий тест, – тут же подтвердил размышления Стэна Джо.

– Нет, ты этого не делаешь, – сказал Стэн.

- Почему?
- Две причины. Во-первых, никогда не показывай им, что ты стараешься. Во-вторых, вчера я заполнил бланк заявки, и сегодня его должны принести.
- Кого?
- Телефон.
- Мама будет здесь.
- Нет, – сказала Жози. – У меня много дел.
- В течение всего дня?
- Скорее всего. Я должна найти достаточно дешевый магазин, чтобы купить для вас восемь фунтов протеина, которые, похоже, требуются каждый раз, когда вы садитесь за стол. А потом мне предстоит ланч с матерями из офицерского клуба, что займет почти все дневное время, если Окинава не изменилась с того раза, когда мы в прошлый раз здесь были, и, скорее всего, так и есть.
- Ричер может посидеть дома и дожидаться, когда принесут телефон, – сказал Джо. – Ему не нужна нянька.
- Это никак не связано, – сказал Стэн. – Идите поплавайте, поиграйте в мяч, побегайте за девочками, но не спрашивайте про тест. Просто сделайте его максимально хорошо, когда придет время.

7

Между тем в Париже наступил поздний вечер, и ушедший на пенсию учитель снова позвонил на военно-воздушную базу в Гуаме. Домработница Лорана Мутье прошептала ему, что они *обязательно должны* попытаться связаться с дочерью старика. Но учитель ничего не сумел добиться. Дежурный лейтенант в Гуаме не имел никакого представления относительно планов Пентагона в Китае, а новое назначение Стэна Ричера являлось закрытой информацией, поэтому иностранный гражданин ничего не должен был о нем знать. Во всяком случае, от военных. Нет, сэр. Никаких шансов.

Лежавший в своей кровати Мутье слышал примерно половину переговоров. Он немного знал английский. Достаточно, чтобы объяснить и уловить скрытый смысл. Он прекрасно понимал, как работает военная машина. Как практически все европейские мужчины двадцатого века, он служил в армии. Ему исполнилось тридцать лет, когда началась Первая мировая война, но он тут же пошел на нее добровольцем и прослужил все четыре года, что она продолжалась. В том числе пережил Верден и Сомму, получив полную грудь медалей, без единого серьезного ранения, и ни одного шрама длиннее среднего пальца, что считалось невероятной удачей. В день его демобилизации печальный однорукий и одноглазый бригадир пожелал ему удачи и добавил ни с того ни с сего: «Запомни мои слова, Мутье, великие войны оставляют страну с тремя армиями: армией калек, армией плакальщиков и армией воров».

И Мутье, вернувшись в Париж, обнаружил все три. Многие оплакивали гибель своих близких: матери, жены, невесты, сестры и старики. Кто-то сказал, что если написать каждому убитому солдату некролог длиной в одну страницу, жалкий перечень надежд и мечтаний, то получившаяся стопка бумаги будет выше Эйфелевой башни.

Воры были повсюду – как одиночки, так и целые банды, некоторые с политическим оттенком. И каждый день Мутье видел калек, некоторых в силу естественного хода событий, но многих во время работы, потому что мастерские по ремонту мебели получали государственные заказы на производство деревянных ног в течение следующих десяти лет. Чем Мутье и занимался, используя в качестве материала части столов, купленных по дешевке у

разорившихся ресторанов. Так что теперь ветераны могли ходить на протезах, сделанных из мебели, на которой они когда-то обедали.

Десятилетний правительственный заказ закончился за неделю до краха Уолл-стрит, и следующие десять лет выдались трудными, если не считать того, что Лоран встретил женщину, быстро ставшую его женой, красавицу, имевшую глупость выйти за потрепанную сорокапятилетнюю развалину вроде него. А еще через год у них родился единственный ребенок – девочка с роскошными волосами, которую они назвали Жозефиной. Дочь выросла и вышла замуж за морского пехотинца, американца из Нью-Гемпшира, и теперь с ним было невозможно связаться, несмотря на появившиеся в течение долгой жизни Мутье многочисленные технические инновации, существенную часть которых придумали сами американцы.

8

Стэн Ричер поглубже надвинул пилотку и отправился на работу. Через минуту Жози пошла по магазинам, прихватив большую сумку и тощую сумочку. Ричер сидел на тротуаре и ждал появления парня с фурункулом. Джо остался в доме. Но ненадолго. Тридцать минут спустя он появился с причесанными волосами и в куртке и сказал:

– Я пойду погуляю.

– До школы? – спросил Ричер.

– Чем меньше слов, тем лучше для дела.

– Они тебя не унижают. Ты сам унижаешь себя. Разве ты получишь удовлетворение от ста процентов за тест, если спросишь, какие будут вопросы?

– Это вопрос принципа.

– Но только не моего, – сказал Ричер. – Мой принцип состоит в том, что тесты придумывают для средних людей, которые способны их пройти, из чего следует, что у меня достаточно шансов, чтобы с ним справиться, не наделав в штаны еще до того, как они начнутся.

– Ты хочешь, чтобы все думали, что ты средний?

– Меня не интересует, что думают люди.

– Ты ведь знаешь, что должен быть дома, когда нам доставят телефон, верно?

– Я буду здесь, если только толстый вонючий придурок не придет с таким количеством приятелей, что меня увезут в больницу.

– Никто никуда не придет. Они уехали на бейсбол. Сегодня утром, на автобусе. Я видел. Их не будет весь день.

9

Ричер готовил себе ланч, когда привезли телефон. Он сделал сэндвич с сыром и сварил кофе, когда курьер из службы доставки постучал в дверь. Тот сам распаковал телефон и вручил его Ричеру, сказав, что должен забрать коробку. По всей видимости, на острове их не хватало.

Телефон оказался странным устройством и не походил на те, что Ричер видел раньше. Он поставил его на столешницу рядом с остатками сэндвича и осмотрел со всех сторон. Аппарату явно иностранного производства, вероятно, исполнилось лет тридцать. Скорее всего, долгие годы он лежал на военных складах побежденной нации. Американцам достались горы самых разных вещей. Сто тысяч пишущих машинок там, сто тысяч биноклей здесь. Сто тысяч телефонов, в которых сменили провода и снова отправили работать. И очень вовремя. Превращение палаток и казарм по всему миру в постоянные кирпичные и каменные здания заставило потрудиться множество людей. Зачем ждать, когда лаборатории «Белл»

или «Дженерал электрик» сделают новые аппараты, если можно просто забрать телефоны со склада во Франкфурте?

Ричер нашел разъем на кухне, подключил телефон и проверил гудок. Все работало. После этого он оставил на столе телефон и отправился на пляж.

10

Пляж оказался просто замечательным. Одним из лучших, когда-либо виденных Ричером. Он снял рубашку и туфли, затем долго купался в теплой голубой воде. Полежал на солнце с закрытыми глазами, пока не высох. Потом заморгал, повернул голову и понял, что он тут не один. В пятнадцати футах от него на полотенце загорала девочка. Она была в слитном купальнике, на вид лет тринадцать или четырнадцать. Еще не взрослая, но уже не ребенок. На коже блестели капельки воды, а волосы были гладкими и густыми.

Ричер встал, весь облепленный песком. У него не было полотенца. Он избавился от песка, воспользовавшись рубашкой, встряхнул ее и надел.

– Где ты живешь? – спросила девочка, повернувшись к нему.

Ричер указал.

– Там, вверх по улице, – ответил он.

– Можно я пойду с тобой?

– Конечно. А почему ты спрашиваешь?

– На случай, если там будут мальчишки.

– Их нет. Они уехали на целый день.

– Они могут рано вернуться.

– Они говорили тебе чушь про плату за проход?

Она кивнула.

– Я не стану платить.

– Что они хотели?

– Я тебе не скажу.

Ричер промолчал.

– Как тебя зовут? – спросила девочка.

– Ричер, – ответил Ричер.

– А меня Хелен.

– Приятно познакомиться, Хелен.

– Как давно ты здесь?

– Со вчерашнего дня, – ответил Ричер. – А ты?

– Неделю или около того.

– Надолго?

– Похоже на то. А ты?

– Я не знаю, – сказал Ричер.

Девочка встала и встряхнула полотенце. Она была худенькой и маленькой, но с длинными ногами. Ногти у нее на ногах были покрыты лаком. Они вместе прошли по песку и зашагали по длинной улице. Впереди никого не было.

– Где твой дом? – спросил Ричер.

– Слева, ближе к верхней части, – сказала Хелен.

– А мой – справа. Мы практически соседи.

Ричер проводил девочку до самого дома, но ее мама уже вернулась, и ему не предложили зайти. Хелен мило улыбнулась и поблагодарила его, а он пересек улицу и зашел в дом, где царил духота и никого не было. Поэтому Ричер просто уселся на крыльце и стал ждать. Два часа спустя три сержанта из морской пехоты приехали домой на мотоциклах, за ними

еще двое, потом двое на машинах. Через тридцать минут неподалеку остановился американский школьный автобус, из него высыпала толпа детей, которые разошлись по домам, бросая мрачные взгляды в сторону Ричера. Он отвечал им такими же суровыми взглядами, но не шевелился. Частично из-за того, что нигде не видел своей цели. Что его удивило. Ричер дважды огляделся по сторонам и к тому времени, когда дизельный дым улетучился, уже не сомневался, что толстого вонючего парня в автобусе не было.

11

Еще через некоторое время вернулся домой Джо, поглощенный своими мыслями и неразговорчивый. Он не сказал, куда ходил. Джо вообще ничего не сказал. Он просто пошел на кухню, вымыл руки, проверил, есть ли гудок у нового телефона, а потом отправился принять душ, что было необычно для Джо в это время дня. Следующим сюрпризом явилось возвращение отца, также молчаливого и озабоченного. Он выпил стакан воды, проверил, есть ли гудок у телефона, и спрятался в гостиной. Последней пришла мать, которая с трудом удерживала в руках покупки и букет цветов, подаренный ей женским комитетом. Ричер забрал у нее пакеты и отнес на кухню. Мать увидела телефон на кухонной стойке и слегка приободрилась. Она всегда нервничала, если не могла проверить, как чувствует себя ее отец, и заботилась о том, чтобы он знал, как ее найти после переезда. Франция отставала от Японии на семь часов, из чего следовало, что там наступила середина утра, самое подходящее время для разговора, поэтому она набрала длинный номер и стала слушать гудки.

Естественно, трубку взяла домработница – и через минуту в душном маленьком домике на Окинаве воцарилось смятие.

12

Стэн Ричер сразу связался с ротным писарем, тот надавил на другого парня, этот – еще на одного, по принципу домино, – и уже через тридцать минут Жози получила место в последнем гражданском самолете, улетавшем в Токио, а еще через сорок минут ей забронировали билет на рейс в Париж.

– Хочешь, я полечу с тобой? – спросил Ричер.

– Конечно, я бы хотела, – ответила мать. – И я знаю, что твой дед Мутье с радостью увидится с тобой. Но я могу задержаться там на две недели или даже больше. Тебе нужно сдавать тест, а потом начнется школа.

– Они поймут. И я не против пропустить пару недель. Я смогу сдать тест после возвращения. А может, они и вовсе о нем забудут.

– Твоя мать имела в виду, что мы не можем этого себе позволить, сын. Билеты на самолет стоят дорого.

Как и такси. Но два часа спустя они направлялись в аэропорт. Старый японец приехал на большом приземистом «Датсуне», Стэн сел впереди, Жози и мальчики втиснулись на заднее сиденье. Жози держала в руках маленькую сумку. Джо был чистым после душа, но не успел причесаться, и его волосы, как всегда, торчали в разные стороны. Кожа Ричера, который так и не попал в душ после пляжа, была соленой и вся в песке. В машине они почти все время молчали.

Ричер виделся с дедом три раза и хорошо его помнил. У Мутье имелась кладовая, заполненная искусственными конечностями. Очевидно, наследники умерших ветеранов в соответствии с законом возвращали протезы производителю для подгонки и нового использования. Часть сделки, заключенной в далеком прошлом. Дед Мутье рассказывал, что почти

раз в год кто-нибудь приходил к нему домой. Иногда два или три раза в год. Некоторые протезы он изготавливал из ножек столов.

Они приехали в аэропорт, когда уже стемнело и похолодало. Жози обняла Стэна и поцеловала, затем обняла и поцеловала Джо, потом пришел черед Ричера. После объятия и поцелуя она отвела его в сторону и прошептала на ухо длинное быстрое предложение. И одна направилась к стойке, где стояла очередь на регистрацию.

Стэн и мальчики поднялись по длинной внешней лестнице на смотровую площадку. На бетонированном взлетном поле дожидался разрешения на взлет самолет японских авиалиний, его освещали прожектора и окружали обслуживающие транспортные средства. К передней двери вел трап, двигатели медленно работали. За взлетной полосой открывался ночной вид на южную половину острова, но из-за большого расстояния они не видели свою длинную забетонированную улицу, в милях на юго-западе. Неподалеку светилось десять тысяч маленьких огоньков. Костры на задних дворах, пламя каждого ярко мерцало у основания, посылая высоко в небо тонкие струи дыма.

– Ночь мусора, – сказала Стэн.

Ричер кивнул. На каждом острове, где ему довелось побывать, были проблемы с мусором. Еженедельное его сжигание стало стандартным решением вопроса для всего лишнего, в том числе остатков пищи. Традиция в каждой культуре. Все знают, что слово «костер» произошло от слова «кости». За их душным домиком стояла маленькая мусоросжигательная печь.

– На этой неделе мы уже опоздали, – сказал Стэн. – Жаль, что мы не знали.

– Не имеет значения, – сказал Джо. – У нас еще не накопилось мусора.

Они ждали, все трое, наклонившись вперед и поставив локти на перила. Потом внизу появилась Жози, среди примерно тридцати других пассажиров, прошла по бетону, а перед трапом повернулась, помахала им рукой, поднялась наверх и скрылась из вида.

13

Стэн и мальчики смотрели, как самолет взлетел, начал набирать высоту, накренился, а вскоре исчезли даже габаритные огни, и они уже не слышали шума двигателей. Тогда они спустились по лестнице, шагая рядом друг с другом. Домой пошли пешком – привычка Стэна, когда рядом не было Жози, а расстояние не превышало восьми миль. Два часа быстрого броска. Ничто для морского пехотинца и дешевле, чем на автобусе. Стэн был ребенком Великой депрессии, хотя его семья из Новой Англии, всегда бережливая и экономная, жила так и во времена изобилия. Никаких лишних расходов, ничего не хотеть, все чинить, никогда не выделяться. Его отец прекратил покупать новую одежду после того, как ему исполнилось сорок, посчитав, что все, чем он владеет сейчас, его переживет, а так рисковать – безрассудное сумасбродство.

Костры уже почти догорели, когда они вернулись на свою улицу. В воздухе висел дым, и даже внутри душного маленького дома ощущался запах пепла и сгоревшего мяса. Они сразу отправились спать, накрывшись тонкими простынями, и уже через десять минут наступила полная тишина.

14

Ричер спал плохо. Сначала ему приснился сон про деда, свирепого старого француза, почему-то лишённого конечностей, вместо которых он пользовался четырьмя ножками от стола, перемещаясь с их помощью, точно предмет мебели. Потом, рано утром, его разбудил шум, поднятый каким-то невидимым существом на заднем дворе, кошкой, или грызуном,

или птицей, питающейся падалью; затем, значительно позднее, дважды звонил новый телефон. Он знал, что мать еще не долетела до Парижа, а если бы произошла катастрофа по пути в Токио, им о ней уже сообщили бы. Значит, что-то другое, поэтому Ричер проигнорировал звонки и спал до девяти часов, что было для него поздно.

Он нашел отца и брата на кухне; оба молчали и были так напряжены, что Ричер считал это чрезмерным. Не приходилось сомневаться, что дед Мутье – классный старик, но у любого девяностолетнего человека срок оставшейся жизни ограничен по определению. Никаких сюрпризов. Рано или поздно человек должен умереть. Никто не живет вечно. Он уже выиграл все пари. Господи, деду исполнилось двадцать, когда полетели братья Райт...

Ричер заварил себе кофе, потому что он любил более крепкий, чем остальные члены семьи, сделал тост, насыпал хлопьев, поел и выпил кофе, но с ним так никто и не заговорил.

– В чем дело? – наконец спросил он.

Глаза отца опустились, медленно повернулись, точно жерло пушки, и остановились на столе, в футе от тарелки Ричера.

– Утром звонил телефон.

– С мамой всё в порядке?

– Да. Дело не в ней.

– Тогда что?

– У нас неприятности.

– У всех?

– У меня и Джо.

– Почему? – спросил Ричер. – Что случилось?

В этот момент кто-то позвонил в дверь, поэтому он не получил ответа. Ни Джо, ни отец явно не собирались вставать, поэтому Ричер поднялся из-за стола и направился в коридор. Приехал тот же курьер, что и вчера. Они повторили уже знакомый Ричеру ритуал. Курьер распаковал коробку и забрал ее, чтобы унести с собой, предварительно вручив Ричеру тяжелую бобину с электрическим кабелем не меньше ста ярдов. Бобина по размеру не уступала автомобильной крышке. Кабель предназначался для домашней электропроводки, вроде «Ромекса», тяжелый и жесткий, обшитый серым пластиком. К бобине на короткой цепочке крепились кусачки.

Ричер оставил бобину на полу в коридоре и вернулся на кухню.

– Зачем нам привезли электрический кабель? – спросил он.

– Он нам не нужен, – сказал отец. – Я заказал ботинки.

– Ну так их тебе не привезли. Ты получил бобину с проводом.

Отец разочарованно вздохнул.

– Значит, кто-то ошибся, не так ли?

Джо промолчал, что сильно удивило Ричера. Обычно в такой ситуации он пускался в долгий аналитический анализ, спрашивал про вид и формат номера заказа, указывал, что цифры вполне могли быть переставлены, рассуждал о том, что при раскладке клавиатуры QWERTY буквы, стоящие далеко друг от друга в алфавите, оказываются рядом, а потому неаккуратные машинистки нередко находятся в четверти дюйма от случайного прыжка, скажем, от слова «обувь» до слова «деталь». Именно так работал его мозг. Все нуждалось в объяснении. Но он молчал. Просто сидел, совершенно онемев.

– Что случилось? – спросил Ричер, нарушив повисшую тишину.

– Тебе не о чем беспокоиться, – сказал отец.

– Все нет, если вы оба не придете в себя. Однако, судя по вашему виду, в ближайшее время на это не стоит рассчитывать.

– Я потерял книгу с шифрами.

– С шифрами от чего?

– Операции, которой я должен командовать.
– Китай?
– Откуда ты знаешь?
– А какие есть варианты?
– Теперь это перешло в разряд теории, – сказал отец. – Всего лишь одна из возможностей. Естественно, планы существуют. И если они просочатся в прессу, будет большой скандал. Теперь мы должны дружить с Китаем.

– А в книге шифров достаточно информации, чтобы кто-то мог в ней разобраться?
– Без проблем. Настоящие имена плюс кодовое обозначение двух разных городов, подразделения и дивизии. Толковый аналитик сможет понять, куда мы направляемся, что собираемся сделать и сколько солдат будет участвовать в операции.

– Каков размер книги?
– Обычная папка с тремя кольцами.
– У кого ее видели в последний раз? – спросил Ричер.
– У одного из разработчиков операции, – ответил отец. – Но ответственность за нее несу я.

– Когда ты узнал, что книга исчезла?
– Вчера вечером. Утром позвонили, чтобы сообщить, что найти книгу не удалось.
– Плохо, – сказал Ричер. – Но при чем здесь Джо?
– К этому он не имеет отношения. Утром был еще один звонок. Невозможно поверить, но пропала еще одна папка с тремя кольцами. Исчезли ответы к тестам. Из школы. А Джо побывал там вчера.

– Я ее даже не видел, – сказал Джо. – И совершенно точно не брал.
– Что ты там делал? – спросил Ричер.
– В конечном счете ничего. Я добрался до кабинета директора и сказал секретарше, что хочу поговорить с ним про тест. Но потом передумал и ушел.

– Где находилась папка с ответами?
– Очевидно, лежала на письменном столе директора. Но я не заходил в его кабинет.
– Тебя долго не было.
– Я гулял.
– Вокруг школы?
– Частично. И в других местах.
– Ты находился в здании школы во время ланча?

Джо кивнул.
– И это уже проблема, – сказал он. – Они считают, что именно тогда я и забрал папку.
– Что теперь будет?
– Нарушение кодекса чести. Меня могут исключить на семестр. Или даже на год. Потом переведут на класс назад, и получится, что я отстану сразу на два года. И ты можешь оказаться со мной в одном классе.

– А ты будешь делать за меня домашние задания, – сказал Ричер.
– Не смешно.
– Не стоит беспокоиться. К концу семестра мы все равно переедем.
– Может быть, и нет, – сказал отец. – Если меня посадят в тюрьму или разжалуют в рядовые, чтобы я красил бордюрные камни до конца своей карьеры, мы можем застрять на Окинаве навсегда.

В этот момент снова зазвонил телефон. Отец взял трубку. Звонила мама из Парижа. Отец постарался говорить спокойно, слушал и отвечал, потом повесил трубку и сообщил новости. Их мать благополучно долетела до Парижа, старик Мутье протянет не более двух дней, и их мать очень переживает.

– Я пойду на пляж, – сказал Ричер.

15

Он вышел из домика и посмотрел в сторону моря. Улица была пустой. Ричер принял быстрое решение, перешел на другую сторону и постучал в дверь домика Хелен, девочки, с которой познакомился вчера. Она открыла, увидела, кто пришел, встала рядом с ним на крыльце и аккуратно закрыла за собой дверь. Словно хотела скрыть его появление. Словно стеснялась Ричера. Хелен поняла, о чем он подумал, и покачала головой.

– Папа спит, – сказала она. – Ничего больше. Он работал всю ночь. И не очень хорошо себя чувствует. Он заснул час назад.

– Хочешь пойти поплавать? – спросил Ричер.

Хелен посмотрела на улицу, увидела, что там никого нет, и сказала:

– Дай мне пять минут, ладно?

Она осторожно приоткрыла дверь и вернулась в дом, а Ричер повернулся и начал наблюдать за улицей. Какая-то часть его сознания хотела, чтобы парень с фурункулом появился, а какая-то – нет. Улица оставалась пустой. Потом вернулась Хелен, в купальнике под летним платьем и с полотенцем. Они пошли по улице рядом, на расстоянии фута друг от друга, и говорили о том, где они жили и какие места видели. Хелен много переезжала, но не так, как Ричер. Ее отец был специалистом по снабжению, а не морским пехотинцем, и ему не приходилось так часто менять место службы.

Утренняя вода оказалась холоднее, чем дневная, и они выбрались на берег через десять минут. Хелен позволила Ричеру улечься рядом на полотенце, они лежали на солнце, и их разделяли лишь дюймы.

– Ты когда-нибудь целовался с девочкой? – спросила Хелен.

– Да, – ответил он. – Два раза.

– С одной и той же девочкой два раза или с двумя по одному?

– С двумя девочками более одного раза.

– Много раз?

– Может быть, по четыре раза с каждой.

– Где?

– В губы.

– Нет, *где?* В кино или в другом месте?

– Один раз в кино, один раз в парке.

– С языками?

– Да.

– У тебя хорошо получается? – спросила она.

– Я не знаю, – ответил Ричер.

– А ты покажешь мне как? Я никогда не целовалась раньше.

Ричер приподнялся на локте и поцеловал ее в губы. У нее были маленькие и подвижные губы, а язык – прохладный и влажный. Поцелуй продолжался секунд пятнадцать или двадцать, потом они отодвинулись друг от друга.

– Тебе понравилось? – спросил Ричер.

– Вроде как, – ответила она.

– А у меня хорошо получилось?

– Я не знаю, мне не с чем сравнивать.

– Ну у тебя получилось лучше, чем у тех двух, с которыми я целовался раньше, – заявил Ричер.

– Спасибо, – сказала Хелен.

Однако он не понял, за что она благодарит, – за комплимент или саму попытку.

16

Ричер и Хелен вместе пошли обратно и почти добрались до дома. Им оставалось пройти еще двадцать ярдов, когда из своего двора вышел парень с фурункулом и встал посреди дороги. Ричер заметил, что он в той же футболке и тех же рваных штанах. Однако теперь парень был один.

Ричер почувствовал, как затихла шедшая рядом Хелен. Она остановилась, и Ричер сделал шаг вперед. Здоровяк находился в трех футах от них. Они стояли в вершинах вытянутого треугольника.

– Оставайся на месте, Хелен, – сказал Ричер. – Я не сомневаюсь, что ты и сама способна надрать ему задницу, но не вижу причины, зачем нам обоим вдыхать такую вонь.

Здоровяк улыбнулся.

– Вы были на пляже, – сказал он.

– А мы думали, что только Эйнштейн умный.

– Сколько раз вы там были?

– Ты с такими большими числами незнаком.

– Пытаешься разозлить меня?

Конечно, Ричер пытался. Он с самого рождения был невероятно крупным для своего возраста. Мать утверждала, что он самый большой ребенок на свете, однако Ричер знал, что она склонна к преувеличениям, поэтому не считал информацию верной. Но, так или иначе, самый большой или нет, он всегда дрался с теми, кто был на два или три года старше. Иногда даже больше. В результате один на один в девяносто девяти случаях из ста он оказывался меньше своего противника, поэтому научился драться, как мальчишка маленького роста. При прочих равных размер обычно играет решающую роль. Но не всегда – ведь в противном случае победителя в тяжелом весе определяли бы на весах, а не в ринге.

Иногда, если маленький парень быстрее и умнее, он может получить нужный результат. А один из способов оказаться умнее противника состоит в том, чтобы сделать его глупее. Этого можно добиться, если противник впадает в ярость. Красный туман, застилающий глаза врага, – лучший друг парня поменьше. Поэтому да, Ричер пытался вывести вонючего здоровяка из равновесия.

Однако тот не поддавался. Просто стоял, смотрел и слушал, напряженный, но контролирующей ситуацию. Он расставил ноги и слегка опустил плечи. Сжатые кулаки готовы к драке. Ричер сделал шаг вперед и сразу ощутил дурной запах изо рта и вонь тела. Правило номер один с такими противниками: не позволить ему тебя укусить, чтобы не получить заражение. Правило номер два: следи за глазами. Если он смотрит вверх, значит, нанесет удар рукой. Если опустит взгляд, жди атаки ногой.

Парень не опускал глаз.

– Здесь девочка, – сказал он. – Я надеру тебе задницу прямо при ней, и ты никому не сможешь показаться на глаза. Ты станешь главным придурком наших окрестностей. Может быть, я буду брать с тебя деньги всякий раз, когда ты выйдешь из дома. Может, расширю платную зону на весь остров. Возможно, такса станет двойной. За тебя и твоего придурка брата.

Правило номер три с такими парнями: расстрой его планы. Не жди, не отступай, не будь аутсайдером, не думай о защите.

Иными словами, правило номер четыре: бей первым.

И не пользуйся предсказуемым левым прямым.

Потому что есть еще правило номер пять: в переулках Окинавы нет правил.

Ричер нанес мощный прямой правой в лицо парня и попал в щеку.

Это привлекло его внимание.

Здоровяк отступил назад, потряс головой и нанес ответный прямой правой, то есть сделал именно то, чего Ричер ждал и к чему был готов. Он ушел влево и почувствовал, как толстый кулак просвистел мимо его уха. *Умнее и быстрее*. Здоровяк попытался восстановить равновесие – и ему ничего не оставалось, как отступить, согнуть ноги и повторить атаку. Что он и сделал.

Пока не услышал шум приближающегося мотоцикла. Тот прозвучал для него как звук гонга об окончании раунда. Как у собаки Павлова. Толстяк колебался фатальную долю секунды.

У Ричера также возникли сомнения. Однако они отступили гораздо быстрее. Исключительно благодаря геометрии. Он стоял лицом к перекрестку, поэтому слегка переместил взгляд и увидел, что мотоцикл едет с севера на юг, оставаясь на главной дороге, и проедет мимо, вместо того чтобы свернуть к ним. Ричер переработал новую информацию и стер ее прежде, чем мотоцикл скрылся из вида, в тот самый момент, когда его скорость и положение сделали поворот невозможным. И его взгляд вернулся к врагу.

Положение здоровяка было невыгодным с точки зрения геометрии. Он смотрел вдоль улицы в сторону моря и мог ориентироваться только на звук. А звук был громким и рассеянным. Ничего определенного. Никаких пространственных подсказок. Лишь рев двигателя и эхо. Поэтому, как и всякое животное на земле, имеющее лучшее зрение, чем слух, парень подчинился основному инстинкту. Он стал поворачивать голову, чтобы посмотреть назад. Непреодолимое желание. А потом, через долю секунды, звук изменился, рев двигателя стих между зданиями, здоровяк сделал верный вывод и начал поворачивать голову обратно.

Но опоздал. К этому моменту левый хук Ричера уже преодолел половину дистанции; он приближался, сильный и быстрый; все сухожилия и мышцы действовали с идеальной координацией, устремляясь к единственной цели – левый крупный кулак Ричера направлялся к шее толстяка.

Полный успех. Удар пришелся прямо в фурункул, раздавил его, врезался в плоть, потом в кость, и здоровяк рухнул на землю, словно с разбега налетел на натянутую веревку. Ноги ушли в сторону, и он упал почти горизонтально на бетон, ошеломленный и потерявший ориентировку, как в немом фильме.

Следующим очевидным шагом являлись удары ногами по голове, но у Ричера имелась аудитория с женской чувствительностью, поэтому он удержался от искушения. Здоровяк поднял лицо и посмотрел куда-то в сторону.

– Это удар исподтишка, – сказал он.

Ричер кивнул.

– Но ты же знаешь, что говорят: только придурки пропускают такие удары.

– Нам нужно довести это до конца.

Ричер посмотрел вниз.

– Похоже, все уже закончено.

– Мечтай и дальше, маленький заморыш.

– Досчитай до восьми, – сказал Ричер. – Я вернусь.

17

Он проводил Хелен до дома, бегом вернулся к себе и влетел на кухню, где в одиночестве сидел его отец.

– Где Джо? – спросил Ричер.

– Отправился на долгую прогулку, – ответил отец.

Ричер вышел на пустой задний двор – там стояли старый столик, четыре стула и пустая мусоросжигательная печь на маленьких ножках, размером с круглый бак для мусора, сделанная из сетки из нержавеющей стали. На ней остался легкий налет серого пепла, но ее опустошили и вымыли после последнего использования. Более того, весь дворик был подметен. Семьи морских пехотинцев всегда исключительно педантичные.

Ричер вернулся в коридор, присел на корточки возле бобины с электрическим кабелем, отмотал шесть футов провода и откусил его кусачками.

– Что ты делаешь? – спросил отец.

– Ты знаешь, что я делаю, папа, – сказал Ричер. – Я делаю то, что ты хотел, чтобы я сделал. Ты не заказывал ботинки. Ты заказал именно то, что нам доставили. Вчера вечером после того, как исчезла книга с шифрами. Ты подумал, что это станет известно и в результате мы с Джо запаникуем. Ты не мог принести домой боевые ножи или кастеты, поэтому твой выбор остановился на следующей по качеству вещи.

Ричер начал наматывать тяжелый провод на кулак, один оборот за другим, как боксеры бинтуют руки. Он прижимал мягкий металл и пластик так, чтобы слой получился идеально ровным.

– Значит, о книге узнали?

– Нет, – ответил Ричер. – Нет, это для предыдущего свидания.

Отец выглянул из-за двери на улицу.

– Ты справишься с этим парнем?

– А папа римский – католик?

– С ним приятель.

– Чем больше, тем лучше.

– Другие дети будут наблюдать за вами.

– Так всегда бывает.

Ричер начал заматывать другую руку.

– Сохраняй спокойствие, сын. И постарайся не причинить большого вреда. Я не хочу, чтобы у всех троих членов нашей семьи были неприятности на одной неделе.

– Он не станет на меня доносить.

– Я знаю. Я говорю об обвинении в непредумышленном убийстве.

– Не беспокойся, папа, – сказал Ричер. – Так далеко дело не пойдет.

– Прими соответствующие меры.

– Но я боюсь, что мне придется зайти немного дальше, чем обычно.

– В каком смысле, сын?

– Видимо, на этот раз мне придется сломать пару костей.

– Почему?

– Мама так сказала. В некотором смысле.

– Что?

– В аэропорту, – ответил Ричер. – Она отвела меня в сторону, помнишь? И сказала мне, что поняла: это место сводит с ума тебя и Джо. Она поручила мне приглядывать за вами обоими. И добавила, что как именно, решать мне самому.

– Твоя мать так сказала? Мы можем сами о себе позаботиться.

– Да? И как это у вас получается?

– Но этот парень не имеет отношения к нашим проблемам.

– Я думаю, имеет, – сказал Ричер.

– С чего ты взял? Он что-то говорил?

– Нет, – ответил Ричер. – Но есть и другие чувства, кроме слуха. Например, запах.

Затем он засунул свои серые, ставшие похожими на луковицы кулаки в карманы и снова вышел на улицу.

В тридцати ярдах собралась толпа из десяти мальчишек, образовавших подкову. Зрители. Они нетерпеливо переминались с ноги на ногу. Примерно на десяток ярдов дальше, чем вонючий здоровяк и его кореш. Вонючий придурок занял позицию правее, его кореш – левее. Второй был ростом с Ричера, но с широкими плечами и грудью как у борца, а лицо просилось на плакат «Их разыскивает полиция» – плоское, жестокое и злобное. Плечи и лицо составляли девяносто процентов его арсенала, решил Ричер. Он был из тех, кого оставляют в покое только из-за внешности, поэтому едва ли часто участвовал в драках, и не исключено, что знал про свое дерьмо. Может, он не был таким уж хорошим драчуном.

Ричер знал, что есть только один способ выяснить это.

Он зашагал к ним энергичной походкой, не вынимая рук из карманов, по крутой дуге, направляясь к корешу толстяка, все с той же скоростью, даже на последних шагах, как политик, который обожает пожимать руки, приветствуя собравшуюся толпу, или маниакальный служитель церкви, идущий к прихожанину с таким видом, словно он готов разделить с ним единственную цель в жизни. Кореша смутил такой язык тела. Сказались и долгие годы воспитания. Он уже приподнял руку, готовый к рукопожатию.

Не меняя ритма, Ричер сильно ударил его лбом в лицо. *Шаг левой, шаг правой, удар.* Чистая десятка за стиль и исполнение, силу и точность. Парень начал падать на спину, но еще не успел коснуться земли, когда Ричер свернул к вонючему толстяку, вынимая замотанные кабелем руки из карманов.

В кино они долго стояли бы и смотрели друг на друга, как в перестрелке у корраля О-Кей⁴, обменивались бы язвительными замечаниями и бормотали угрозы, опустив руки вдоль тела; привстали бы на цыпочки, может быть, даже начали кружить, прищурившись, глядя друг на друга, увеличивая напряжение. Но Ричер жил не в фильме, а в реальном мире. Без паузы даже в долю секунды он врезал левым кулаком толстяку в бок, мощный удар в корпус; второй выпад в быстром ритме *один-два* – шаг, где *один* соответствовал атаке головой. В этот момент его кулак весил около трех килограммов, и он вложил в него всю свою силу, так что любое следующее действие вонючему здоровяку предстояло совершить с тремя сломанными ребрами, что сразу поставило его в невыгодное положение, поскольку сломанные ребра вызывают острую боль и любые резкие движения лишь усиливают ее. Некоторые люди со сломанными ребрами не могут даже чихнуть.

В данном случае вонючий придурок ничего не стал делать – он просто согнулся, как раненый буйвол. Поэтому Ричер спокойно приблизился к нему и нанес удар правой, сломав ребра с другой стороны. Предельно просто. Кабель превращал его кулаки в ядра для разрушения зданий. Единственная проблема состояла в том, что со сломанными ребрами люди не всегда попадают в госпиталь. В особенности в семьях морских пехотинцев. Они просто туго бинтуют грудь и терпят. А Ричеру нужно было, чтобы парень оказался на больничной койке и чтобы вокруг собралась его встревоженная семья. Хотя бы на один вечер.

Поэтому он оттолкнул его левую руку от груди, к которой толстяк ее прижимал, неуклюже сжал его кисть своей левой рукой – неуклюже из-за провода – и повернул ее на сто восемьдесят градусов, так что ладонь и локоть оказались направленными вверх, после чего нанес четкий удар правой рукой по локтевому суставу. Здоровяк взвыл, закричал, упал на колени, и Ричер избавил его от боли точным апперкотом в челюсть.

Игра окончена.

⁴ Перестрелка у корраля О-Кей – одна из самых известных перестрелок в истории Дикого Запада. Произошла 26 октября 1881 г. в городе Тумстоун на Аризонской территории; представители власти выступали против бандитов.

Ричер посмотрел слева направо, на молчаливый полукруг зрителей.
– Следующий? – спросил он.
Никто не шевельнулся.
– Кто-нибудь? – сказал Ричер.
Никто не шевельнулся.
– Хорошо, – продолжал он. – Давайте проясним ситуацию раз и навсегда. С этих пор все будет так, как оно есть.
Потом повернулся и пошел домой.

19

Отец ждал Ричера в коридоре; кожа вокруг его глаз слегка побледнела.
– Кто еще работает с тобой над книгой шифров? – спросил Ричер и принялся размазывать кабель.
– Парень из разведки и еще двое из военной полиции.
– Ты можешь позвонить им и пригласить сюда?
– Зачем?
– Часть плана. То, о чем мне сказала мама.
– Они должны прийти к нам?
– Да.
– Когда?
– Прямо сейчас было бы неплохо.

Ричер увидел, что на костяшках его пальцев отпечаталось слово *Джорджия* в обратном порядке. Должно быть, именно там сделали провод. Выпуклые буквы на изоляции. Место, где он никогда не бывал.

Отец позвонил на базу, а Ричер стал смотреть на улицу через окно. Если немного повезет, то время он рассчитал верно. Так и вышло, более или менее. Двадцать минут спустя подъехал служебный автомобиль, и из него вышли трое мужчин в форме. Почти сразу вслед за ними на улицу свернула машина «Скорой помощи», объехала припаркованный автомобиль и остановилась у дома вонючего парня. Медики погрузили его в машину, мать и младший брат поехали вместе с ним в качестве пассажиров. Ричер пришел к выводу, что отец парня отправится в госпиталь на своем мотоцикле, как только закончится его дежурство. Или раньше – тут все зависело от того, что скажут врачи.

Парень из разведки оказался майором, военную полицию представляли два сержанта. Все трое были в камуфляжной форме. И все трое остались стоять в коридоре. На лице каждого застыло одно и то же выражение: *зачем мы здесь?*

– Вы видели парня, которого только что увезли, вы должны обыскать его дом, – сказал Ричер. – Кстати, сейчас там никого нет. Дом вас ждет.

Трое военных переглянулись. Ричер внимательно наблюдал за их лицами. Никто из них не хотел портить карьеру такому опытному морскому пехотинцу, как Стэн Ричер, и хороший конец истории их обрадовал бы. Сейчас они были готовы ухватиться за соломинку и пойти навстречу, даже если улики им подбрасывал странный тринадцатилетний мальчишка.

– Что нам искать? – спросил один из военных полицейских.

– Вы сами поймете, как только увидите, – сказал Ричер. – Одиннадцать дюймов в длину, один дюйм в ширину, серого цвета.

Трое военных вышли на улицу, а Ричер и его отец сели и стали ждать.

20

Ждать пришлось недолго, как и предполагал Ричер. Вонючий парень показал некоторую толику звериной хитрости, но не вызывало сомнений, что он не был криминальным гением. Трое военных вернулись менее чем через десять минут с обгоревшим в огне металлическим предметом. В результате он стал пепельно-серым. Когда-то это была яркая металлическая папка одиннадцать дюймов в длину и один в ширину, с тремя кольцами на равном расстоянии друг от друга.

То, что остается, когда сгорит папка с бумагами.

Никаких страниц, ничего, только обожженный металл.

– Где вы ее нашли? – спросил Ричер.

– Под кроватью, во второй спальне, – ответил один из сержантов военной полиции. – Там, где спят мальчики.

Толстяк не был криминальным гением.

– Это книга шифров? – спросил майор разведки.

Ричер покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Ответы на школьный тест.

– Ты уверен?

– Совершенно.

– И зачем было вызывать нас?

– С этим должны были разобраться военные, а не школа. Вам нужно съездить в госпиталь, поговорить с его отцом и получить признание. И только потом сообщить в школу. Что вы станете делать с вором дальше – ваше дело. Вероятно, хватит предупреждения. Он больше не причинит нам вреда.

– Что здесь случилось?

– Вина моего брата, – сказал Ричер. – Во всяком случае, в некотором смысле. Парень из соседнего дома начал нас преследовать, Джо вступился. Остроумные ответы, быстрая реакция – все по полной программе. Превосходный получился спектакль. К тому же Джо огромный. Кроткий как ягненок, но наш сосед, очевидно, этого не знал. Чтобы избежать драки, он выбрал для мести другой путь. Он сообразил, что Джо будет переживать из-за теста. Может быть, подслушал наш разговор. Так или иначе, он последовал за Джо в школу и украл ответы, чтобы дискредитировать его.

– Ты можешь это доказать?

– Только косвенно, – ответил Ричер. – Он не поехал на бейсбол. Его не было в автобусе. Значит, он весь день оставался в городе. Джо вымыл руки и принял душ, когда пришел домой. А днем Джо так не поступает. Должно быть, он чувствовал себя грязным. И я готов предположить, что он чувствовал себя грязным из-за того, что весь день ощущал вонючий запах нашего соседа, окружавший его со всех сторон.

– Очень косвенные доказательства, – сказал майор.

– Спросите у парня, – сказал Ричер. – Надавите на него в присутствии отца.

– И что произошло потом?

– Вонючий тип придумал сценарий, в котором Джо запоминает ответы, а потом сжигает их. Что выглядело бы вполне правдоподобно для человека, который хотел сжульничать на тесте. К тому же была ночь мусора – очень подходящий момент. План состоял в том, чтобы сжечь книгу на собственном заднем дворе, ночью проникнуть на наш и бросить обгоревшую книгу в печь, чтобы там появилась улика. Но у нас не было пепла. Мы пропустили вечер сжигания мусора, поскольку нам пришлось поехать в аэропорт. Так что вонючке пришлось

отказаться от исходного плана. Он просто вернулся домой. И я его слышал. Рано утром. Я подумал, что это кошка или крыса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.